

РУССКИЙ
СБОРНИК

В. А. Козлов, М. Е. Козлова

СОВЕТСКИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ
ПРАКТИКИ В «МАЛЕНЬКОМ СССР»,
1945–1949

(по материалам Советской военной
администрации в Германии)

Феномен комендантского снабжения

Как накормить сваговца?

Вещи: необходимость и мечта

Женский потребительский протест. Casus belli 1947 года

Барахольство как дилемма

Немецкая вещевая «экспансия»

Одним из ключевых открытий исторической социологии и социальной истории сталинизма в последние десятилетия стало обнаружение в советском социуме 1930–1940-х годов своего рода «серых зон» и относительно свободных пространств¹, куда сталинизм с его партийно-государственной навязчивостью пробивался

¹ Говоря о подобных явлениях, французский историк Н. Верт использует выражение Т. Г. Ригби «shadow culture» («теневая культура»), а также употребляет такие разработанные немецкими историками, вслед за А. Людке, понятия, как «личное пространство» и даже «забронированная область». См.: *Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система.* М., 2010. С. 336, 356 (прим. 1). О «свободных зонах», «защищенных или защищающихся от институциональных давлений», писала также Н. Н. Козлова. См.: *Козлова Н. Н. Социология повседневности: переоценка ценностей // Общественные науки и современность.* 1992. № 3. С. 47–56.

с боем, но так и не пробился. Затаившиеся в повседневности практики уклоняющегося поведения, в том числе, а может быть, в первую очередь, *поведения экономического, потребительского, обывденного*, существовали под гнетом лишь на первый взгляд тотального контроля. Они не выпячивали себя, маскировались, мимикрировали, но, так или иначе, обеспечивали частное существование «сталинского человека» под пристальным оком государевым. Закрытые бытовой маскировочной сетью подобные социальные явления рождались и перерождались, не вступая в прямой конфликт с режимом, и мало зависели от его воли и желаний. Страх и репрессии могли лишь сжимать шагреновую кожу свободных и «серых» зон, превращая их в «черные» зоны повышенной опасности, но никогда не уничтожали их дотла. Поместив «сталинского человека» в необычные для него условия оккупированной Германии, история поставила уникальный социальный эксперимент, который не только раскрыл необычные грани советской повседневности, но и обнаружил способность застывших советских потребительских практик к существенным трансформациям, в известном смысле создал своеобразную «оккупационную» потребительскую субкультуру².

Несмотря на значительное количество работ по истории советской повседневности, в том числе повседневности сталинской³,

² Ответ человеческих сообществ на вызовы власти — политические, экономические, идеологические, как отмечают некоторые социологи и историки, может не только воплощаться в «форме ускользания и социокультурного сопротивления», но даже приводить (в конечном счете или в ряде случаев) «к возникновению противостоящих власти субкультур». См.: *Королев С. А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды*: http://e-notabene.ru/article_709.html.

³ Назовем две наиболее общие работы на эту тему: *Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы*. М., 2001; *Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953*. М., 1999. Историографию вопроса см.: *Янковская Г. А. Историографические образы позднего сталинизма // Астафьевские чтения. Время «веселого солдата»: ценности послевоенного общества и их осмысление в современной России*. Пермь, 2009; *Агеева В. А., Мерзляков М. П. Повседневный мир советского общества как предмет изучения отечественных исследователей // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова*. 2017. № 2: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/povsednevnyy-mir-sovetskogo-obschestva-kak-predmet-izucheniya-otechestvennyh-issledovateley>; *Казанков А. И., Лейбович О. Л. Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. Ис-*

обыденные навыки и потребительские привычки эпохи позднего («имперского», «классического») сталинизма (за немногими исключениями) затрагиваются историками обычно мимоходом. А порой этот период и вовсе выглядит зияющим временным провалом. Некоторые исследователи повседневного потребления (не снабжения, а именно потребления) склонны сразу переходить от довоенного периода к хрущевскому и брежневскому времени. Если они иногда и включают конец 1940-х — начало 1950-х гг. в свой хронологический ряд, то ничего конкретного о практиках потребления не сообщают.⁴ В отдельных работах «ранний» (1930-е гг.) и «поздний» (1945–1953 гг.) сталинизм как бы сливаются друг с другом.⁵ В статье О. Гуровой, предпринявшей попытку создать периодизацию «идеологии потребления», эпоха позднего сталинизма просто растворилась в воздухе.⁶

Для послевоенной потребительской истории особый интерес представляет первое массовое соприкосновение «сталинского человека» с людьми и вещами западного мира. Вопрос о «заграничных» бытовых воздействиях не только вписывается в историю сталинской борьбы с космополитизмом и «чуждыми буржуазными

тория. 2017. Вып. 3 (38); Кринко Е. Ф., Минц М. М. Повседневная жизнь советского общества в сталинскую эпоху. (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2012. № 1: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/2012-01-021-mints-m-m-povsednevnyaya-zhizn-sovetskogo-obschestva-v-stalinskuyu-epohu-referativnyy-obzor>; Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010; Прицев Д. А. Повседневная жизнь послевоенного советского общества в 1945–1953 гг. в российской историографии // Працы гістарычнага факультэта БДУ. Мінск, 2013: <https://www.twirpx.com/file/1534261>; Пушкарева Н. А. История повседневности как направление исторических исследований: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280>, и др.

⁴ Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Сб. ст. Новосибирск, 2005. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-на-Дону, 2011. К сожалению, вопреки названию, авторы исключили из рассмотрения вторую половину 1940-х годов.

⁵ Ярская-Смирнова Е., Романов П., Лебина Н. Советская социальная политика и повседневность. 1940–1980 гг. // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 12.

⁶ Гурова О. От бытового аскетизма к культу вещей: идеология потребления в советском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Сб. статей. Новосибирск, 2005. С. 21.

влияниями» — его изучение способно задать адекватный исторический контекст для понимания позднесоветских проблем «вещизма» и потребительского индивидуализма, с которыми иногда связывают делегитимизацию коммунизма в СССР. Частные аспекты проблемы западных вещевых потоков в послевоенное время лишь попутно затрагивались отдельными историками. Об обеспечении населения одеждой за счет гуманитарной помощи, поступавшей главным образом из США и Великобритании, пишет в своей книге 1999 года Е. Ю. Зубкова. К сожалению, все свое внимание исследователь сосредоточила на двух локальных эпизодах — «номенклатурных» злоупотреблениях администрации Урало-Сибирского округа железных дорог и Свердловской железной дороги при распределении вещей, полученных из США.⁷ Н. Лебина в своей недавней книге «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» также зафиксировала в послевоенные годы канал «американского» вещевого влияния. «В 1945–1946 годах, — пишет исследователь, — в СССР стали поступать частные посылки из США. Эта была организованная и одобренная в правительственных верхах обеих стран акция. Советские властные структуры регулировали процесс распределения «американских подарков», в числе которых были в первую очередь одежда и обувь».⁸ Оба названных выше автора ни слова не говорят о гораздо более мощных (трофейном и репарационном) вещевых потоках из оккупированной Германии. Зато эту тему мимоходом затронули Т. Н. Никонорова («Конструируя роскошь: бытовое пространство советской номенклатуры, 1940–1952 годы») и Е. Д. Твердюкова («Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–1947 гг.).⁹ Заметим с сожалением, что навыки

⁷ Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 58.

⁸ Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015: <https://www.twirpx.com/file/1704331>.

⁹ См.: Никонорова Т. Н. Конструируя роскошь: Бытовое пространство советской номенклатуры, 1940–1952 годы // *The Soviet and Post-Soviet Review*, № 43 (2016, 2). Pp. 235–238: https://www.academia.edu/33516998/the_soviet_and_post-soviet_review_43_2016_219-242; Твердюкова Е. Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–

«вещного» потребления, приобретенные *рядовым* «сталинским человеком» в оккупированной Германии, вообще не рассматриваются в историографии. И, наконец, полностью отсутствует интерес историков к истории продовольственного снабжения рядовых сотрудников Советской военной администрации (о питании начальственной номенклатуры СВАГ можно и нужно говорить особо), хотя эта разновидность снабжения, будучи во многих отношениях привилегированной, в то же время несла в себе все обычные советские пороки — низкое качество, дефицит, очереди, отравлявшие заграничную жизнь сваговцев.

Обращаясь к теме особенностей «потребительского» существования советского оккупационного сообщества в Германии, авторы попытаются проанализировать трансформации обычных потребительских практик и систем снабжения в их соприкосновении с немецкой реальностью, выявить способы и механизмы «обтекания» «сталинским человеком» ограничений, запретов и норм, установленных государством, воспроизвести снабженческие иерархии и рассмотреть специфическую культуру «самостоятельности» из формальных правил, получившую неожиданное распространение в СВАГ. Для того чтобы подойти к решению этих задач, нам пришлось верифицировать и поставить под сомнение оценки, содержащиеся, в частности, в официальной истории Управления торговли и снабжения СВАГ. Авторы этого многостраничного документа, предназначенного для начальства и одобренного руководством, пытались убедить своего читателя, что «за весь период оккупации Германии» снабжение сотрудников производилось «бесперебойно». Продукция «отпускалась потребителям строго по кондициям», а выбранные для поставок предприятия производили лишь качественный товар.¹⁰ Мы оценили и проверили достоверность этой бюрократической «поэмы» и попытались восстановить по первичным документам гораздо более противоречивую снабженческую картину. Заметим попутно, что истории управлений СВАГ, написанные в 1948–1949 гг. по приказу Главного начальствующего, — источник особый, жёстко укладывающийся в прокрустово ложе официального описания со-

1947 г.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015, № 21. С. 259.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 1. Л. 198.

бытий. Он показывает, как должно было быть. Слепое следование в фарватере подобных служебных «летописей» загоняет исследователей в ловушку правдоподобия. Действительно, здесь можно найти данные о сфере деятельности, функциях, структуре, распоряжениях начальников (не обо всех), полученных благодарностях, выяснить некую последовательность событий, но при этом совершенно невозможно узнать, как управление работало на самом деле, насколько его деятельность была эффективной и качественной.

Наша работа продолжает цикл публикаций по истории советской экономической повседневности, помещенной в инородную среду оккупированной Германии. Мы уже писали о соотношении зарплатной государственной политики и повседневной зарплатной практики СВАГ, способах изъятия и объемах «добровольно-принудительной» денежной «дани» через каналы государственных займов, показали, что по зарплатному потенциалу и общему денежному доходу средний сваговец, особенно в первые два послевоенных года, по сравнению со средним горожанином-мужчиной, находился в привилегированном положении.¹¹ Теперь нам предстоит рассмотреть основанные на этих доходах, а также других возможностях — легальных, полулегальных и нелегальных — способы «добывания» «сталинским человеком» продовольствия, вещей и услуг в Советской зоне оккупации, а также выявить каналы «трансляции» в СССР не только предметов потребления, но и «чужих» потребительских навыков и привычек.

Феномен комендантского снабжения

Сложно говорить об «обыденном» потреблении сотрудников Советской военной администрации в Германии в первые месяцы после войны, когда не хватало самых необходимых продуктов, а запас вещей «советских оккупантов» был ограничен гимнастер-

¹¹ Козлов В. А., Козлова М. Е. Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // История. Ostkraft. Научное обозрение. М., 2018. № 5; Козлов В. А., Козлова М. Е. Принуждение к добровольности: «сталинский человек» и послевоенные займы. (По материалам Советской военной администрации в Германии, 1946–1949 гг.) // Там же. 2018. № 2.

кой и шинелью. Отвечавшие за поддержание порядка работники комендатур сами ходили не по форме одетые. В августе 1945 года на сборе руководящего состава СВАГ¹² начальник Отдела комендантской службы провинции Мекленбург с сожалением констатировал, что «личный состав комендантской службы провинции выглядит очень плохо. Обмундирование плохое, зачастую сделано из трофейного неформенного материала».¹³ Ему вторил коллега из Саксонии: «Прибывают люди в бедном виде, обычно разношерстные. В нескольких местах я приказал комендантам перекрашивать обмундирование».¹⁴ В Дрезденском округе личный состав одной из комендатур «ходил во всех формах европейских армий и родов войск»¹⁵, а военного коменданта Дрездена упрекали в том, что он «обшил офицеров», используя палаточный материал.¹⁶ Начальник Отдела комендантской службы федеральной земли Саксония нашел другой выход. Он разрешил военным комендантам забрать из трофейного склада германское военное обмундирование — шинели, шелковые телогрейки и ватные шаровары.¹⁷ Неудивительно, что в некоторых комендатурах форма одежды красноармейцев напоминала немецкую.¹⁸

Не лучше обстояло дело и с продовольствием. Формально после создания СВАГ личный состав военных комендатур, как «старых», перешедших в подчинение военной администрации, так и вновь созданных¹⁹, должен был «довольствоваться» при Груп-

¹² Речь идет о сборе заместителей начальников СВА провинций и федеральных земель, начальников отделов комендантской службы, комендантов округов и крупных городов, прошедшем в Берлине 14–16 августа 1945 г.

¹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 32.

¹⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 62. Л. 28.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 48.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 132. Л. 52.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 123. Л. 208.

¹⁹ Если на 1 июня 1945 г. насчитывалось 247 военных комендатур, то 1 ноября 1945 г. их уже стало 615. См.: *Захаров В. В.* Военные комендатуры СВАГ в советской зоне оккупации, 1945–1949 гг. // Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1949. Сборник документов. (По материалам центрального аппарата СВАГ и документам Управлений СВА провинций и земель Советской зоны оккупации Германии) / Отв. ред. В. В. Захаров. Сост. В. В. Захаров, О. В. Лавинская, Д. Н. Нохотович при участии Я. М. Златкис. М., 2004. С. 18, 27.

пе советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Однако между должным и сущим существовала дистанция огромного размера. Вспоминая начальный период снабжения, начальник Управления СВА земли Саксония Д. Г. Дубровский отмечал, что военные комендатуры «настолько плохо снабжались», что они почти все без исключения вынуждены были жить «на подножном корму», а «в области «учета и отчетности была полнейшая вакханалия, армейские части хоз[яйственную] деятельность военных комендатур не контролировали, а УСВА для этой цели аппарата не имело».²⁰

Среди документов Управления СВА федеральной земли Саксония сохранились акты обследования комендатур, проведенного в июле 1945 года.²¹ Наиболее частые ответы военных комендантов: «на довольствии нигде не состоят», «питание личного состава производится за счет продуктов, выделенных с трофейного склада», «за счет трофейных продуктов и подсобного хозяйства», «за счет местных ресурсов через магистрат», «организовали столовую при комендатуре, продукты получали через бургомистра», «в немецком ресторане», «в частной столовой» и т. п.²² Итоги обследования подвел полковник Г. А. Шепель.²³ «Комендатуры не состоят на денежном, продовольственном и вещевом довольствии, потому что их не принимают [близлежащие воинские части]».²⁴ Донесения из других провинций и федеральных земель свидетельствовали о том же.²⁵ Даже те, кому удавалось встать на довольствие, докладывали о возникавших трудностях.²⁶

Следует отметить, что ситуация со снабжением сотрудников в центральном аппарате СВАГ существенно отличалась от положения в военных комендатурах. В первом случае проблемы снаб-

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 321. Л. 3.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 121.

²² Там же. Л. 6, 7 об., 34, 60, 102, 120, 146, 147, 149, 184, 194.

²³ Начальник Службы по проверке состояния службы военных комендатур федеральной земли Саксония.

²⁴ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 121. Л. 168.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 9. Д. 31. Л. 201; Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 11. Л. 150.

²⁶ Личный состав комендатур района Ной-Руппин провинции Бранденбург в сентябре 1945 г. был прикреплен на продовольственное снабжение к 3-й Ударной армии, однако «получение продовольствия» было связано «с большими трудностями, так как склады 3-й Ударной армии находятся на расстоянии 120 км». См.: ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 80. Л. 169.

жения и потребления с самого начала решались по традиционным советским централизованным стандартам, хотя и с сильной немецкой спецификой и особыми трудностями стартового периода. Эти проблемы будут рассмотрены в следующих разделах нашей работы. А пока речь пойдет о комендатурах, где после войны возникла и какое-то время работала требующая отдельного описания альтернативная, хаотичная, паллиативная «снабжениеская система», базирующаяся на так называемых комендантских складах и на особых отношениях с подконтрольным комендатурам местным немецким бизнесом. Эта никем не санкционированная и не узаконенная, но оправданная особыми обстоятельствами практика продержалась много месяцев, а затем была окончательно вытеснена централизованным советским снабжением из «серой» зоны в зону «черную» и криминальную. До тех пор интересующий нас феномен сосуществовал параллельно с централизованными каналами потребления, дополняя, а в ряде критических случаев и подменяя их.

Еще до организации Советской военной администрации в Германии и подчинения ей уже существовавших и вновь созданных под оккупационные задачи военных комендатур именно этим военным учреждениям было поручено выявление и собирание материальных ресурсов. Директива Военного совета 1-го Белорусского фронта № ВС/00384 от 22 апреля 1945 г. не только определила порядок взаимоотношений с немецким населением и установила широкую зону ответственности военных комендатур, но и предписала «все имущество, товары, продовольственные запасы в складах и магазинах, предназначенные для потребительских нужд оставшегося населения, немедленно брать под войсковую охрану и передавать военным комендантам для организованного использования на нужды войск и обеспечения продовольствием городского населения». Скот и продовольствие, брошенные бежавшими немцами, также попадали под контроль военных комендантов. Через них («порядком, установленным интендантом фронта») должны были получать довольствие войска. В сфере ответственности военных комендантов оказались также скот и продовольственные запасы немецких хозяйств. Комендатуры должны были учитывать и давать разрешение на расходование подобных запасов. Кроме того, им следовало (только с разрешения Военного Совета армии, начальников тылов армий и командиров отдель-

ных корпусов) «собирать брошенное немцами бытовое имущество и выдавать его частям как посылочный фонд». И, наконец, именно военным комендатурам было поручено контролировать деятельность немецких промышленных, сельскохозяйственных и торговых предприятий.²⁷

В той мере, в какой различные районы Восточной Германии пострадали от войны, и в зависимости от экономической специализации подконтрольных территорий комендатуры получили под свою ответственность весьма разнородные ресурсы, как и фактическую возможность ими распоряжаться. Однако широкие полномочия, которыми были наделены комендатуры, сочетались со слабым контролем (или полным его отсутствием) со стороны вышестоящих инстанций. Это открывало простор для снабженческих импровизаций как позитивного, так и негативного свойства. Военные комендатуры выполняли многочисленные снабженческие поручения начальства и одновременно занимались обеспечением своего личного состава. Хотя по всем военным канонам последнее было прерогативой военного интендантства или (позднее) соответствующих подразделений СВАГ.²⁸ Но обстоятельства складывались таким образом, что без экспромтов на первых порах нельзя было обойтись.

Военные комендатуры должны были заботиться не только и не столько о своем снабжении. В первые месяцы после войны их главным делом была организация продовольственного обеспечения немецкого населения.²⁹ Летом 1945 года некоторые из комендатур оказались в особенно сложном положении. Запасы

²⁷ Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1949. Сборник документов. С. 68–69.

²⁸ За снабжение в СВАГ отвечали несколько структур — Административно-хозяйственное управление и Отдел торговли и снабжения. Они были созданы приказом Главного начальствующего СВАГ № 5 от 10 июля 1945 г. (См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 7. Л. 2–3). Затем отдел превратился в Управление торговли и снабжения. Оно занималось заготовками, торговлей, снабжением, пищевой, вкусовой промышленности, рыболовством и рыбоводством на территории Советской зоны оккупации. АХУ СВАГ позднее было преобразовано в Управление материально-технического обеспечения. В январе 1946 г. было организовано Управление торгово-бытовых предприятий (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 22. Л. 79–90).

²⁹ Подробнее об этой стороне деятельности комендатур см.: *Захаров В. В.* Указ. соч.

на комендантских складах кончались, и коменданты порой не знали, как прокормить население городов, за которые они отвечали. 30 июля 1945 г. военный комендант города Эберсвальде (провинция Бранденбург) полковник Горбунов подал рапорт начальнику УСВА провинции. Он доложил, что продовольствие на комендантских складах практически израсходовано и его хватит лишь до 15 августа. Горбунов не знал, как ему накормить 25-тысячное население промышленного города, особенно учитывая, что до боев в нем жили 48 тысяч человек, и многие уже начали возвращаться.³⁰ Нам не удалось найти документы о том, как именно закончилась эта история. Известно только, что 15 августа 1945 г. начальник Управления СВА провинции Бранденбург разрешил военному коменданту г. Эберсвальде выдать 60 тонн сахара для снабжения городского населения г. Ной-Руппин.³¹ Видимо, со снабжением в своем городе Горбунов разобрался. Помогать приходилось даже союзникам. Известно, что военному коменданту района Бельциг пришлось изыскивать возможность отпустить «за наличный расчет Британскому офицерскому собранию г. Берлин одну тонну картофеля и одну тонну овощей».³² Совершенно очевидно, что изобретательность и импровизации требовались военным комендантам (особенно в сильно пострадавших от войны местах) не только для снабжения личного состава и обеспечения немецкого населения, но и для выполнения самых неожиданных начальственных поручений.

Предпринимаемые по таким поручениям снабженческие действия надо было каким-то образом легализовать. Однако бюрократическое оформление подобных процедур после окончания войны оказалось в хаотическом состоянии. Военный комендант г. Дрезден генерал-лейтенант Добровольский, выступая 14 августа 1945 г. на сборе руководящего состава, сетовал: «Ведь во что сейчас превратился комендант? Вплоть до того, что выдает портянки, в то время как он должен только контролировать работу. Их через месяц нельзя будет назвать военными комендантами... В отношении нарядов всяких. Я очень много получаю бумажек, но хоть раз бы я получил законный наряд, который требуется. Этого нет.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 2. Д. 20. Л. 218.

³¹ Там же. Л. 212.

³² Там же. Л. 109.

Выдать тому-то столько-то пшеничной муки, тому столько-то того-то... Как будто я начальник складов. Прошу с меня все это дело снять. Открыть отделение складов интендантства, пусть всем этим делом занимается. Это отнимает 90% времени, и нельзя это дело бросить».³³

Генерал-лейтенанту пришлось не только выступать в несвойственной интендантской роли, но и искать паллиативные снабженческие решения. Добровольский организовал не предусмотренное никакими уставами специфическое торговое предприятие: «...я призвал семь торгашей и сказал, чтобы к следующему понедельнику был организован магазин при комендатуре [для офицерского состава]. Может быть, опять будут ругать, но я открыл магазин».

Далее последовал показательный обмен мнениями:

Генерал-лейтенант т. Телегин (член Военного совета ГСОВГ. — *Авт.*): На каких началах магазин будет торговать?

Добровольский: На началах частника. Мы обеспечиваем его пропуском, чтобы он ездил, доставал товары и торговал.

Генерал-лейтенант т. Телегин: На какой основе будет проходить торговля?

Добровольский: Офицер должен явиться к дежурному и получить талон, скажем, на пару костюмов, на пару платьев и т. д.

Генерал-лейтенант т. Телегин: За деньги?

Добровольский: Конечно. Вот такой порядок.

С места: Как вы кормите проходящих солдат?

Добровольский: Их я кормлю на станции. У меня имеется склад. Начальник вокзала представляет список, сколько у него довольствуется, и на основе этого я ему отпускаю продовольствие.

С места: Незаконно!

Добровольский: Понимаю. А что я могу сделать?³⁴

Многозначительное (от безвыходности положения) молчание руководства было воспринято как легализация возникавших по ходу дела снабженческих решений. Многие коменданты пошли по пути, озвученному Добровольским. Они открывали ма-

³³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 14. Л. 46, 48–49.

³⁴ Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии, 1945–1945. Сборник документов. С. 84.

газины «специально для военнослужащих»³⁵ или назначали для этой цели немецкие магазины³⁶, выдавали ордера на товары и продукты, вмешивались в местную предпринимательскую и торговую деятельность, требуя для личного состава приоритета в снабжении. Эти действия можно было бы назвать незаконными, если бы они при этом не представляли собой паллиативный (и часто единственный) способ решения государственных задач по снабжению советского оккупационного сообщества в период, когда централизованное снабжение СВАГ налажено не было. Комендантуры обзаводились подсобными хозяйствами, самовольно использовали и распределяли собранное трофейное имущество и продовольствие, погрузившись в море хозяйственных импровизаций. Иногда трофейное имущество продавали, чтобы погасить «задолженности местному немецкому бюджету»³⁷ или безвозмездно передавали немецким органам самоуправления.³⁸

Расцветало «записочное распределение». С одной стороны, коменданты постоянно получали вместо законных нарядов записки-указания от должностных лиц или учреждений. Подобные вышестоящие «документы» давали право на получение продовольствия или товаров с трофейных складов. Со своей стороны, военные коменданты, пользуясь неформальным правом наделенных властью людей, систематически писали записки владельцам немецких магазинов, требуя отпустить «подателям сего» те или иные товары за наличный расчет.³⁹ Понимая, что делают недозволенное, некоторые из комендантов старались не оставлять документальных следов: отдавали распоряжения устно, «при личной явке в магазин или на фабрику», «по телефону через бургомистров».⁴⁰ Но если записка, врученная знакомому просителю, указывала на ответственное лицо и позволяла немцам подложить хоть какую-то бумажку под неправомерные действия, то телефонный звонок ни в какое дело подшить было нельзя. Правда, несмотря на конспирацию, многочисленные следы «записочной» деятельности позднее были обнаружены проверяющими. В Саксонии, например, «у немецких

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 92. Л. 32.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 19.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 14. Л. 77.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 28. Л. 266.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 7. Л. 18–19.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 144. Л. 73.

фирм сохранилось большое количество записок, выданных различными комендантами». Эти записки пришлось «изымать... тоннами».⁴¹ Даже если счесть это большим преувеличением, «записочное» распределение было явлением широко распространенным, особенно в первый год существования СВАГ.

Стихийно формировавшаяся система комендантского снабжения в ряде случаев подключалась даже к немецкой банковской системе, для удобства безналичных расчетов с немецкими предпринимателями. Начальник Отдела комендантской службы провинции Мекленбург генерал-майор Фетисов был возмущен деятельностью военных комендатур, которые «незаконно занимались торговлей трофейными ценностями, образовали у себя большие суммы денег». Они «вместо сдачи их немедленно в финансовые органы... пооткрывали в немецких банках счета и хранят их там...».⁴² Показательно, что на фоне снабженческой самодеятельности комендатур открылись лазейки и для частной предприимчивости отдельных сотрудников. Известно, например, что колбасная фабрика в г. Эрфурте заключала частные соглашения с военнослужащими «на переработку свиного мяса, приобретенного из неизвестных источников».⁴³

Ситуация в области «комендантского снабжения» не просто противоречила принципам централизованного советского распределения, но, что важнее, мешала восстановлению немецкой экономики, «нарушая принцип частной собственности», допуская «произвол и самоуправство». «Рынок терроризирован, магазины не открываются. Вместо развития свободной торговли происходит распродажа остатков товара по запискам военных комендантов».⁴⁴ Так оценил Главногоначальствующий СВАГ / Главногокомандующий ГСОВГ «хозяйничанье» военных представителей, командиров войсковых частей и соединений и военных комендантов в своем известном приказе № 035 «О наведении порядка в руководстве промышленностью и торговлей в Советской зоне оккупации (СЗО)» от 29 августа 1945 г.⁴⁵

⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 103. Л. 126.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 68. Л. 115–116. См. также: ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 151. Л. 14–15.

⁴³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 2. Д. 7. Л. 96.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 7. Л. 98, 99.

⁴⁵ Там же. Л. 98–104.

Уже тогда Г. К. Жуков потребовал от начальников СВА «стро-го приказать комендантам городов и районов прекратить выдачу военнослужащим ордеров или других разрешений на покупку нормированных товаров в немецких магазинах». Такие действия следовало рассматривать как вымогательство и привлекать виновных к ответственности, а обоснованные жалобы на подобное поведение — расследовать.⁴⁶ Одновременно началась борьба с самовольным распределением ресурсов из трофейных складов. По распоряжению Главного начальствующего с 25 по 30 августа 1945 г. на складах, подведомственных военным комендантам, прошла инвентаризация продовольственных и промышленных товаров. Комендантам разрешили до 1 октября 1945 г. оставить в своем распоряжении только запасы продовольствия для снабжения личного состава комендатур, поскольку полноценное централизованное снабжение все еще не было налажено.⁴⁷

Распоряжение ресурсами в ситуации централизованной снабженческой немощи давало комендантам реальную власть, позволяло использовать трофейное имущество и продовольствие по собственному разумению. С этой «несоветской» властью некоторые коменданты расставались с трудом. Когда осенью 1945 года по приказу Главного начальствующего СВАГ⁴⁸ началась полная ликвидация комендантских складов, выяснилось, что далеко не все коменданты готовы избавиться от «несвойственных функций». Кое-где эти склады ушли в подполье. Они превратились в тайные («черные») хранилища разнообразных запасов. Иногда «черные» склады невозможно было обнаружить. Ревизии оказывались бесполезными. Неучтенные продукты держали

⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 26. Л. 31–32.

⁴⁷ Там же; Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 81. Л. 7.

⁴⁸ Полностью склады должны были быть ликвидированы к 5 ноября 1945 г. Все товары, материалы и имущество, имеющееся на них, приказано было сдать Управлению тыла ГСОВГ и органам СВАГ безвозмездно, а военторгам и немецким фирмам — по существующим немецким розничным ценам. Вырученные деньги должны были быть переданы в полевые органы Госбанка и переведены на счет реализации трофейного имущества. Продовольствие должно было быть передано немецким фирмам для снабжения населения. См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 059 от 2 октября 1945 г. «О распределении остатков товаров, материалов, оборудования и прочего имущества, находящихся на складах, подведомственных военных комендантам». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 8. Л. 11–34).

у доверенных немцев⁴⁹, замуровывали в стены, умудрялись прятать сотни литров спирта, ликера, банки консервов, муки, крупы.⁵⁰ В одной из комендатур «черный» склад с табаком скрыли «в подвальном помещении роты охраны». Табак выдавали «воинским частям, всяким учреждениям и отдельным лицам». Он был еще и хорошей «разменной монетой» — меняли на «отрезы, одежду, обувь и даже целые автомашины».⁵¹ В федеральной земле Саксония отличилась военная комендатура г. Ризы. У нее на трех «черных» складах было сосредоточено более 53 тонн продовольствия.⁵² Выяснилось также, что порой продовольствие с «черных» складов шло наверх — работникам комендантской службы округа.⁵³

В январе 1946 года было организовано Управление торгово-бытовых предприятий (УТБП) СВАГ. Его отделы были также созданы при Штабе СВАГ, Управлениях СВА провинций и земель и Управлении военной комендатуры Советской зоны г. Берлина.⁵⁴ В августе 1946 года отделения торгово-бытовых предприятий появились и при управлениях окружных комендатур.⁵⁵ В СВАГ начала функционировать специальная структура, отвечавшая за обеспечение личного состава питанием и товарами широкого потребления.⁵⁶ Не удивительно, что со второй половины 1946 года командование резко усилило борьбу с «внесистемной» (нелегальной и полулегальной) снабженческой деятельностью. Снова и снова с личным составом прорабатывали приказ Главного начальствующего № 035 от 29 августа 1945 г. «О наведении порядка в руководстве промышленностью и торговлей в Советской зоне оккупации». От комендантов требовали закрыть самочинные подсобные хозяйства⁵⁷, перестать раздавать вещи и продукты без нарядов, проводились ревизии трофейного имущества.⁵⁸

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 210.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 107.

⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 8. Л. 121–122.

⁵² ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 14. Л. 9–10.

⁵³ Там же. Л. 217–219.

⁵⁴ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 014 от 23 января 1946 г. «Об организации Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 22. Л. 79–81).

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 36а. Л. 447.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 22. Л. 79.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 167–168; Д. 31. Л. 314.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 10. Л. 373–375.

Но нарушитель был многолик, и его часто прикрывало непосредственное начальство. Как отмечал в марте 1946 года заместитель начальника СВАГ генерал-майор Дубровский, «черный» склад военной комендатуры Аннаберг, «работавший» по запискам коменданта, выдавал бесплатно или частично за плату «мануфактуру» и «изделия» не только личному составу, но и приезжающим «гостям». Об этом знали и заместитель по политчасти, и начальство повыше — заместитель начальника Управления комендантских служб округа Хемниц, который этому «всячески покровительствовал». ⁵⁹ Ответственный секретарь партийной комиссии СВАГ полковник Ф. А. Романов считал, что незаконные операции проводились «фактически с санкцией начальства». ⁶⁰ Руководящие работники «знали» и «пользовались» возможностями альтернативного снабжения.

В документах раннего периода существования СВАГ можно найти следы довольно снисходительного отношения к провинившимся «по хозяйственной части». В начале 1946 года их чаще журили и предупреждали — входили в положение, учитывали боевые и служебные заслуги, а также то, что нарушения допускались в пользу личного состава, а не из личной корысти. За обменные операции с немцами, «записочное» распределение, плохое ведение учета могли объявить выговор, отдать под суд офицерской чести, арестовать на несколько суток или, в крайнем случае, снять с должности. ⁶¹ Во второй половине 1946 года практика наказаний ужесточилась: «ряд ответственных офицеров военных комендатур был привлечен военной прокуратурой к уголовной ответственности за расхищение и разбазаривание трофейного

⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 14. Л. 77.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–26.

⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 14. Л. 131–132; Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 10. Л. 81–82; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 29. Л. 455–458. Майор М., временно оставшись за военного коменданта, распорядился, чтобы спиртзавод без акциза отпустил фирме «Эммерт» 760 литров спирта для изготовления ликера и использовал для этого 300 кг сахара, которые были предназначены для планового снабжения населения. Полученный ликер (2 500 л) продавался исключительно по запискам майора. Первоначально решили предать майора суду военного трибунала, но потом учли, что он «молодой офицер» и «уделяет много времени вопросам боевой подготовки сержантского и рядового состава», и отправили под домашний арест «на 15 суток с удержанием 50% денежного содержания». См.: ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 7. Л. 306.

имущества и продовольствия».⁶² За нарушителей взялись всерьез. И в первую очередь за тех, кто постоянное невыполнение предписанных правил обращал себе на пользу, превращал в источник стяжательства и спекуляции. Особенно строго наказывали за «серьезные гешефты» с немцами.⁶³

Язык, описывающий всевозможные хозяйственные нарушения и преступления, также менялся. В 1945 году в официальных документах такие действия часто называли просто «разбазариванием».⁶⁴ «Старый коммунист и армейский работник» П., оправдываясь на партийной комиссии СВАГ, обвинившей его в разбазаривании трофейного имущества, «простодушно» объяснял: «...мануфактура была трофейная (то есть, по мнению виновника, ничья. — *Авт.*), и я не считал нужным ее пустить в счет государственных нужд. А нужна была кому-то мануфактура, я ее раздавал».⁶⁵ П., видимо, понимал «разбазаривание» старорежимно, по Далю: «легкомысленно, безрассудно распродавать, раздавать что-либо, бестолково расходовать, тратить». Неодобрительно, но достаточно мягко. Возможно, так думали многие — и подчиненные, и начальство.

Со второй половины 1946 года «разбазаривание» в приказах стало соседствовать с более четкими юридическими определениями — «преступление», «расхищение», а затем и вытесняться ими. Да и само слово утратило свой несколько неопределенный смысл. Так, осенью 1946 года Главногоначальствующий СВАГ констатировал, что «разбазаривалась», в том числе по запискам и отношениям, продукция немецких фирм, работавших по репарационным поставкам. А эту продукцию уже никак нельзя было считать бесхозной или ничейной. Не удивительно, что В. Д. Соколовский приравнял подобные действия к «расхищению социалистической собственности СССР», а тех, кто это проделывал,

⁶² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 15. Л. 238–239; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 30. Л. 107–108, 138–141.

⁶³ Военного коменданта одного из районов Потсдама, майора Б., военный трибунал приговорил к 7 годам лишения свободы за то, что он «вступил в преступную связь с бывшими офицерами немецкой армии» и с их помощью «осуществлял свои спекулятивные сделки». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 129–130.

⁶⁴ Концепт «разбазаривание» включал и немцев, попавшихся на злоупотреблениях.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 49.

предложил «привлекать к строжайшей ответственности вплоть до предания суду военного трибунала».⁶⁶

Весной 1947 года руководство СВАГ предприняло тотальное наступление на «коллективного нарушителя», вступившего в неравную конкурентную борьбу с государством за ремонтные товары. 14 апреля 1947 г. появился приказ Главного начальствующего № 0105 о проведении проверки в военных комендатурах.⁶⁷ Финансовому управлению СВАГ была поручена «глубокая ревизия 10–15 военных комендатур провинции Бранденбург»⁶⁸, а начальники управлений СВА должны были организовать проверки «с привлечением квалифицированных специалистов» в подчиненных им комендатурах. Финансисты, принимавшие участие в ревизиях, в один голос заявили, что обнаружить какие-либо документальные следы незаконной деятельности было очень трудно — комендатуры «работу проводили главным образом устными и незаконными распоряжениями». Учет трофейного имущества «в момент массового его поступления, то есть в 1945 — первой половине 1946 года или отсутствовал совсем, или был запущен и велся с нарушениями». В ряде комендатур трофейное имущество принимали «ориентировочно».⁶⁹

Когда в июле 1947 года подвели итоги ревизий, выводы сделали однозначные: «в ряде военных комендатур имели место мно-

⁶⁶ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 0270 от 9 сентября 1946 г. «О привлечении к ответственности за разбазаривание продукции, поступающей в счет ремонтных поставок» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 132–133).

⁶⁷ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 105 от 14 апреля 1947 г. «Об организации ревизий военных комендатур СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 45. Л. 64–65).

⁶⁸ Начальник УСВА провинции Бранденбург, на наш взгляд, просто попал под горячую руку. Возможно, из-за того, что весь 1946 год слишком активно боролся против подобного рода нарушений (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 29. Л. 455–458, Д. 30. Л. 107–108, 138–141, 221–222, 223–225, 297) и, как положено, докладывал о подобных ЧП начальству. Можно предположить, что ситуация в Бранденбурге мало чем отличалась от других земель. Известно, например, что осенью 1946 г. Соколовский говорил о «многочисленных случаях разбазаривания продукции» в федеральной земле Саксония (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 132), а начальник Политуправления СВАГ на июльском партактиве 1947 года упомянул в качестве отрицательного примера провинцию Саксонию (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 12).

⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 612. Л. 113–133; Д. 613. Л. 198–204, Д. 614. Л. 1–6.

гочисленные факты грубейшего, а порой и преступного нарушения советских законов и приказов командования СВАГ об учете трофейного имущества, драгоценностей, валюты, об охране ценностей от разбазаривания и о реализации их в строго установленном порядке». Составители документа напомнили, что начиная с 1945 года было издано немало приказов, однако «несмотря на все предупреждения в военных комендатурах нашлись люди, которые совершали позорные для воинов Советской Армии проступки и преступления, запутывали учет и отчетность, занимались расхищением и разбазариванием государственного имущества, преступно нарушали советское законодательство и приказы Командования». Главноначальствующий поручил военному прокурору СВАГ привлечь виновных к уголовной ответственности, «независимо от того, что среди этих лиц окажутся выбывшие в СССР».

Военные коменданты не должны были впредь иметь «у себя никакого иного имущества и никаких иных денежных средств, кроме имущества, предусмотренного по действующим нормам снабжения в Советской Армии, и денежных средств на текущее содержание ...». Все остальное было велено сдать. Комендантов предупредили: если при комендатурах обнаружат «материальные склады» и подсобные хозяйства, то виновные будут привлечены к судебной ответственности». ⁷⁰ Ревизии, запреты и ограничения, ужесточение наказаний, особенно после появления 4 июня 1947 г. Указа Президиума Верховного Совета об усилении уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества, налаживание централизованного снабжения помогли, наконец, «придавить», а часто и задавить полулегальную распределительную систему. Возможно, ситуация изменилась после того, как состав комендатур обновился. Многие из тех, кто служил в СВАГ в 1945–1946 гг., были демобилизованы или переведены в СССР. Прибыло пополнение, не имевшее навыков выживания в экстремальных условиях и не вкусившее свободы бесконтрольности первого года существования СВАГ.

Вспоминая летом 1947 года времена комендантской вольницы и расцвета «черных» складов, начальник Политуправления СВАГ генерал-майор И. М. Андреев использовал жесткую лексику новой эпохи. Он вспоминал о «случаях расхищения социалистической

⁷⁰ ГАРФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 48. Л. 1–8.

собственности», которых было «особенно много» в 1945 году. Именно тогда, считал Андреев, «военное командование забира-ло большие трофеи, каждый командир и комендант имел у себя склады. Многие коменданты и командиры пытались сохранить эти «черные» склады до тех пор, пока их не отдавали под суд. По во-просу о «черных» складах был издан приказ, в котором комендан-ты обязывались все трофейное имущество взять на учет и считать это имущество государственным. У нас были такие случаи, — под-черкнул генерал, — что даже крупных начальников пришлось ис-ключать из партии за жульничество и расхищение социалистиче-ской собственности».⁷¹

Из приведенного выше заявления главного сваговского «по-литрука» на июльском партийном активе СВАГ 1947 года видно, как постепенно теряло условную легитимность «комендантское снабжение», а относительно невинное деяние 1945 года «раз-базаривание», уступало место безоговорочной инвективе года 1947 — «расхищению социалистической собственности». Неко-торые нарушители образца 1945 года за два года настолько втяну-лись в криминальную деятельность, что так и не научились считать трофейное имущество государственным, не смогли, не успели или не захотели вовремя остановиться и увидеть роковую грань между «разбазариванием» «для пользы дела» «ничейного» добра (по-рой без явной личной корысти) и *расхищением* того, что должно было быть в обязательном порядке учтено и отправлено в СССР по репарациям.

Форс-мажорные обстоятельства — послевоенная разруха, от-сутствие централизованного снабжения и контроля, размытые границы легального и нелегального, коллективный интерес приве-ли к формированию и кратковременному расцвету параллельного комендантского распределения — явления для советской системы беспрецедентного. Сваговское руководство долгое время не мог-ло справиться с возникшей ситуацией именно потому, что она многих устраивала, давала возможность улучшить свое послево-енное существование, «отоварить» свои потребительские запро-сы и, развив предприимчивость и деловую хватку, организовать сытую и хорошую жизнь для себя и «своих». В результате сфор-

⁷¹ См.: Протокол № 5 собрания партийного актива СВАГ. 4–5 июля 1947 г. (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 11).

мировался явно не советский «коллективизм», который в СВАГ предпочитали называть круговой порукой. Именно это позволило «коллективному нарушителю» какое-то время чувствовать себя достаточно комфортно, несмотря на угрозы и суровые наказания, вопреки всем установкам и распоряжениям. В конце концов «серые зоны» комендантского снабжения, хотя и не прекратили своего существования, но были объявлены зонами «черными» и криминальными. И законопослушные сваговцы всерьез задумались о правильной расшифровке угрожающих сигналов начальства.

Как накормить сваговца?

Тем, кого направляли на работу в Советскую военную администрацию, обещали, что питание они «будут иметь хорошее».⁷² А что могло быть важнее, чем накормить себя, жену и детей после голодных военных лет. Родная тетушка одного из авторов приехала в 1946 году к отцу, майору медицинской службы, служившему в Германии, чтобы подлечиться после перенесенного во время войны туберкулеза. Эту болезнь и сегодня относят к разряду опасных, что говорить о тех временах. Родители очень надеялись, что 15-летнюю московскую школьницу удастся подкормить и поставить на ноги в Германии, где снабжение, как они полагали, будет значительно лучше, чем в Москве. Вернувшись домой, тетушка очень расстроилась — никаких красивых вещей привезти не удалось. Все ушло на усиленное питание. Положенных пайковых жиров явно не хватало. Деньги семья тратила на сливочное масло, стоившее в это время на «черном рынке» от 800 до 1 000 марок за килограмм⁷³, и сало, цена на которое была еще выше. Эти продукты считались в те времена панацеей при восстановлении после такой тяжелой болезни. Не у всех обстоятельства складывались подобным образом. Но всех сваговцев объединяло одно — приобретение нормированных, положенных, а тем более неположенных продуктов и вещей, требовало, как и на Родине, серьезных усилий, превращалось в неотъем-

⁷² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 49. Л. 436.

⁷³ 1 марка равнялась 50 копейкам.

лемую часть немецкого бытия «сталинского человека», занимало помыслы, толкало на недозволенные действия, о которых все знали и за которые никто, кроме «политруков», не осуждал.

24 июля 1945 г. Главногоначальствующий СВАГ подписал важнейший для сваговцев приказ о продовольственном пайке. Весь «личный постоянный состав СВАГ» с 27 июля должен был довольствоваться «по норме № II приказа НКО СССР».⁷⁴ Номер приказа назван не был, но из других документов известно, что речь шла о приказе НКО СССР № 312–1941 г.⁷⁵ Руководящий состав (начальство), как и положено, должен был снабжаться по повышенной норме (№ 11) того же приказа. Приказ о пайковом нормировании неожиданно вызвал смятение в рядах сотрудников. Он даже привел к разнобою в толковании начальственных распоряжений! Дело в том, что вторая норма, упомянутая в приказе, была напечатана как «II». Ее можно было прочитать и как 2, и как 11. Многие, в том числе и в Штабе СВАГ, решили, что это «одиннадцать». Отсюда вывод — личный состав будет довольствоваться по повышенной норме.

Попав в необычное «ведомство», решавшее важнейшие на тот момент задачи, многие, вероятно, вполне резонно полагали, что и «кормить» их должны по-особому и что они вправе претендовать на «начальственную» исключительность. Прибывавшие из Штаба СВАГ в Управление СВА земли Саксония офицеры и вольнонаемные заявляли, что они должны питаться по норме № 11, и предъявляли свои права на улучшенное питание, демонстрируя «соответствующие отметки в прод[овольственных] аттестатах».⁷⁶ В управлении возражали и отмахивались от неуместных претензий: так снабжают только начальство! А в это время в УСВА другой федеральной земли — Тюрингии, напротив, решили весь личный состав обеспечивать по повышенной норме.⁷⁷ В конце концов Продовольственному отделу ГСОВГ (именно он

⁷⁴ См.: Приказ № 018 Главногоначальствующего СВАГ / Главногокомандующего ГСОВГ «О питании постоянного личного состава СВАГ» от 24 июля 1945 г., изданный в соответствии с решением СНК № 10 778 от 15.07.1945 (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 7. Л. 34).

⁷⁵ Приказ № 312–41 г. «О введении норм продовольственного снабжения Красной Армии»: <http://bdsa.ru/приказы-нко-за1941-год/309-211>.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 13. Л. 29.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

тогда отвечал за снабжение управлений СВА) пришлось специально разъяснять: норма № 11 предназначена только для руководящего состава, а все остальные должны получать по второй норме. На этот раз двойку написали словом, чтобы никто не сомневался.⁷⁸

Женам и детям сотрудников паек отпускали по той же второй норме, но уже за плату. На ребенка полагалась четверть пайка.⁷⁹ Довольно скоро заговорили о необходимости его увеличить. Этот вопрос в Совнарком СССР в ноябре 1945 года обсуждал начальник Отдела торговли и снабжения СВАГ А. Кучеренко.⁸⁰ С ним согласились. Причем, что весьма показательно, в том числе и по политическим причинам: недопустимо, чтобы детям советских офицеров и советских служащих в Германии выдавали «¼ второй нормы НКО, что получается ниже норм, установленных для немецких детей»⁸¹! И с 1 ноября 1945 г. дети, приехавшие к месту службы главы семьи, стали получать платный паек «в размере половины нормы № 2», а сахар, жиры, яйца и молочные продукты — даже по норме № 11 приказа НКО № 312-1941 г.»⁸²

В приказе № 312–1941 г. был перечислен набор продуктов, который в принципе должны были получать сваговцы. Сравним этот потребительский идеал (о его «земном» воплощении мы еще скажем ниже) с тем, что реально полагалось по карточкам в СССР. Норма № 2 позволяла сотрудникам СВАГ получать в зимнее время 800 г хлеба в сутки⁸³, в летнее время — 700 г.⁸⁴ Ежедневная норма по рабочей карточке, например, в г. Куйбышеве в то же время составляла 550 г хлеба, по служащей — 400, на иждивенческую и детскую — давали по 300 г.⁸⁵ В Ленинграде через год по-

⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

⁷⁹ См.: Постановление СНК № 2311-595сс от 10 сентября 1945 г. (ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 47а. Д. 388. Л. 5).

⁸⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 5. Л. 12.

⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 3. Л. 33–34.

⁸² См.: Приказ Штабу СВАГ № 051 от 21 ноября 1945 г. «Об отпуске продовольствия детям генералов, адмиралов, офицеров и постоянных сотрудников СВА, прибывших к месту службы главы семьи» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 11. Л. 80).

⁸³ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 9. Л. 138.

⁸⁴ См.: Приказ НКО СССР № 312–41 г.: <http://bdsa.ru/приказы-нко-за1941-год/309-211>.

⁸⁵ Шемырева С. К. Система продовольственного обеспечения городского населения в послевоенные годы (на материалах г. Куйбышева) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, т. 11. № 6. 2009. С. 171.

сле окончания войны, по дневниковым записям Л. В. Шапориной, иждивенцам выдавали на месяц: крупы — 1 кг, мяса или рыбы — 500 г, жиров — 200 г, сахара или конфет — 400 г.⁸⁶ Женам сотрудников СВАГ в месяц полагалось значительно больше — 3 кг 600 г крупы, столько же мяса, жиров — 750 г, сахара — 700 г в месяц.⁸⁷ Можно и дальше перечислять положенные граммы и килограммы. Но одно можно сказать с уверенностью — сваговцы должны были получать неплохие пайки. Как объяснял на партактиве начальник Политотдела Штаба СВАГ полковник К. В. Овчинников, «мы советские люди, работающие в СВАГ, обеспечены всем — норма питания... у нас хорошая».⁸⁸ Но норма — нормой, а как добыть эти положенные граммы в послевоенной Германии?

Когда централизованное снабжение давало сбой (либо в силу каких-то личных причин), сваговцы могли позволить себе купить или обменять кое-какие продукты на немецких рынках (их начальство предпочитало называть «черными»). Подобные покупки были запрещены, хотя возможность приобрести товары по высоким ценам была заложена в зарплатах первых лет существования военной администрации.⁸⁹ Вот только цены на рынках зашкаливали, хотя и имели тенденцию к постепенному снижению. Мемуаристы от случая к случаю эти цены приводят.⁹⁰ Более подробную информацию содержат документы Финансового управления СВАГ. Оно собирало оперативные сведения через своих уполномоченных в землях и провинциях и немецкие самоуправления.

Походы сотрудников СВАГ и ГСОВГ на берлинский «черный рынок» за продовольствием были удовольствием совсем не дешевым (см. таблицу 1), а значит — отнюдь не систематическим и не массовым. Для тех, кто привез в Германию семью и детей, вопрос «куда девать деньги» с самого начала не стоял. Им надо было, как

⁸⁶ Шапорина Л. В. Дневник. Т. 2. М., 2011. С. 27.

⁸⁷ Подсчитано по приложению № 2 приказа НКО СССР № 312-41. «О введении норм продовольственного снабжения Красной Армии».

⁸⁸ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 96.

⁸⁹ См.: Козлов В. А., Козлова М. Е. Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945–1949).

⁹⁰ Ходяков М. В., Чемакин А. А. Денежное обращение в советской зоне оккупации Германии. 1945–1948 гг. // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 158.

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 423. Л. 47.

Таблица 1. Динамика цен на продовольственные товары на «черном рынке» г. Берлина в июле 1945 — апреле 1946 г. (в рейхсмарках)⁹¹

Наименование	Единица измерения	Июль 1945 г.	Сентябрь 1945 г.	Январь 1946 г.	Апрель 1946 г.
Белый хлеб	кг	120	100	80	70
Черный хлеб	кг	120	100	80	70
Масло сливочное	кг	2 000	1 200	900	800
Маргарин	кг	1 000	600	400	400
Подсолн. масло	л	1 000	600	300	300
Льняное масло	л	1 000	600	400	400
Сало говяжье	кг	1 300	1 100	1 100	1 000
Сельди	шт.	60	40	40	40
Белая мука	кг	120	100	60	60
Ржаная мука	кг	120	80	40	40
Сахар-рафинад	кг	400	300	200	160
Говядина	кг	300	220	160	160
Свинина	кг	400	300	300	300
Конское мясо	кг	240	180	150	150
Картофель	кг	8	5–6	10	14
Сигары	шт.	30–50	30–50	30–50	30–50
Сигареты	шт.	12	8	7–13	7–13
Табак	кг	2 250	1 750	1 000	1 000
Спички	коробок	5–6	5–6	5–6	5–6
Вина сух. стол.	л	500	400	300	500
Ликер	л	1 000	800	500	500
Водка	л	800	600	475	475

мы уже писали, *выкупать* пайки для членов семей. Какое-то время подобные траты особых вопросов не вызывали.

16 сентября 1946 г. Совет министров СССР принял решение поднять советские пайковые цены в 2–3 раза, а эти цены действовали также в СВАГ и ГСОВГ. Семейные сотрудники, особенно в военных комендатурах (там денежное довольствие было не таким высоким) стали возмущаться: «Деньги берут за пайки в повышенной норме, а пайки урезали, да и положенного не дают.

Куда смотрит правительство?»; «Деньги берут так, что от зарплаты ничего не остается, лучше уехать в Россию»⁹², «Имея семью в 4 человека, трудно будет выкупить паек». Узнав об увеличении стоимости иждивенческого пайка, офицер военной комендатуры капитан Жданов заявил: «Я отправлю семью домой. У немцев дневной прожиточный минимум стоит полторы марки, а у нас, живущих здесь, доходит до 20 марок на каждого человека». Это мнение разделяли и другие офицеры.⁹³ Сваговцы начали считать деньги и задумались о насущном.

Набор нормированных продуктов многих сотрудников не устраивал. «Много отпускают крупы, овощей, хлеба и картофеля. Нужно установить так отпуск продуктов, чтобы я брал то, что мне нужно из имеющегося ассортимента и платил бы за то, что взял. Тогда будет правильно», — сетовал офицер военной комендатуры капитан Томахин.⁹⁴ Проблема капитана Тимохина, как и остальных семейных сваговцев, была в том, что оплачивать пайки для членов семей приходилось авансом, а значит, постоянно оказываться в ситуации «бери, что дают».

Среди документов Отдела репатриации СВАГ мы нашли данные о нормах продовольственного пайка «британской армии за границей»⁹⁵ (1946 г.). При сравнении выяснилось, что в советском наборе было в два раза больше хлеба и картошки, чем в английском, в несколько раз больше крупы и макаронных изделий. Сваговцы должны были получать пять чайных ложек сахара в день и 1 г заварки — в отличие от английского любителя чая, которому было положено 14 г и в два раза больше сахара, а еще — несколько ложек варенья и немного бисквита. Несмотря на то что без чая трудно представить себе англичанина, в его рационе за границей доминировало калорийное какао — его выделяли в два раза больше, чем чайной заварки. В советском пайке какао отсутствовало. И, конечно, англичане не упоминали о квашеной капусте, в то время как в рационе сваговца она доминировала и была важнейшим поставщиком витаминов. Сотрудники СВАГ должны были получать свежей и квашеной капусты более 5 кг в месяц (по весу это

⁹² ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 50. Л. 38.

⁹³ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 50. Л. 20.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 20. Д. 64. Л. 219.

больше мяса и почти столько же, сколько круп и макарон). При чем, как выяснилось, «немецкий характер засола» явно отличался от привычного⁹⁶ и сваговцам, возможно, не нравился. А может быть, дело было не только в рецептуре, но и низком качестве. Например, были забракованы почти 11 тонн квашеной капусты, поставленной СВАГ фирмой «Якоби» из Любенау. Капуста оказалась «мочалистой, с резким кислым запахом и вкусом», мутным рассолом. Иногда и сам рассол отсутствовал — капуста была «расфасована в старые грязные бочки», которые еще и текли.⁹⁷

Сразу оговоримся: борьба за качество продуктов для представителей оккупационной власти, борьба «за кондиции» с немецкими фирмами велась на протяжении всех четырех лет существования СВАГ. Правда, без особого успеха. И в этом в первую очередь были виноваты сами снабженцы. Отношения немецких фирм со СВАГ строились на основе двусторонних договоров, но оказалось, что снабженцы их заключать не умели, государственную выгоду игнорировали и шли на поводу у фирм. Немецкий бизнес был для них совершенно особым мудреным и непонятным миром, в котором даже хитрить и обманывать нужно было не по-советски. Весной 1947 года комиссии Политуправления СВАГ провели договоры с немецкими предпринимателями на переработку продуктов и, сочтя их, мягко говоря, «неквалифицированными», рекомендовали перезаключить. В большинстве подобных документов не было даже даты их вступления в силу и срока действия, не упоминались такие важные параметры, как рецептура, сортность, кондиции⁹⁸. Снабженцы не проверяли качество, не требовали сертификаты, не предъявляли рекламаций, не проводили документальных проверок. Для того чтобы получить необходимое,

⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 13.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 65.

⁹⁸ Например, с фирмой «Конт» из Виттенберга был заключен договор на переработку сахара в конфеты фонданг (сахарная помадка), однако рецептура в договоре не была оговорена. На одну тонну конфет фирме отпускали тонну сахара, не учитывая при этом влажность. Таким образом, с каждой тонны конфет немецкая фирма получала «от 60 до 100 кг лишнего сахара». В договоре на изготовление колбасных изделий (в том числе «минской» и «украинской» колбасы) с немецкой фирмой «Вернер» не была учтена сортность мяса, жирность, влажность, количество шпика, что «позволило фирме произвести некачественную замену мясoproдуктов». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 11–12.

немцев-поставщиков не надо было уговаривать и подмазывать. Зато нужно было тщательно следить и контролировать, не давая себя обмануть. А составленные советскими снабженцами договоры ни к чему не обязывали поставщиков, что позволяло немецким предпринимателям, по мнению проверявших, «присваивать продукты в больших количествах» и поставлять некачественные товары.⁹⁹

9 мая 1945 г. была создана Берлинская контора «Особторга».¹⁰⁰ Это было началом коммерческой торговли в Советской зоне оккупации. Предприятия «Особторга» начали действовать в крупных советских городах еще в мае 1944 года. Те, кто располагал «достаточным количеством наличности», могли «приобрести по коммерческим ценам в свободной продаже дефицитные в то время продукты питания и промышленные товары массового спроса».¹⁰¹

В 1945 году — первом квартале 1946 года треть товаров Берлинская контора «Особторга» ввозила из СССР. Остальные — приобретала на месте.¹⁰² Из Советского Союза в Германию доставляли икру (с середины 1945-го по май 1946 года в количестве 146 069 кг), консервы, сыры, сухофрукты, виноградные вина, папиросы (высший сорт), кофе в зернах (73 024 кг), специи, водку и водочные изделия (в 1945 году — 27 726 литров), а еще 49 кг хрена (корни) и 79 тысяч штук сигар.¹⁰³ Никаких других сведений об экзотическом пристрастии сваговцев к сигарам мы не обнаружили. Возможно, кто-то приобретал их для подарков союзникам или просто для большего шика. Сотрудники Советской военной администрации предпочитали папиросы и сигареты.

Военная администрация, как и положено, должна была обеспечить свой руководящий состав привилегированным («особым», «специальным») питанием. Сваговские начальники разных уров-

⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 11–14.

¹⁰⁰ Берлинская контора «Особторга» была «организована во исполнение постановления ГКО от 8 мая 1945 г. № 8450-с и постановления Военного Совета 1-го Белорусского фронта от 16 мая 1945 г. № 068» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 154).

¹⁰¹ См.: *Пушкарев В. С. Денежная реформа и «черный рынок» // Экономические реформы: уроки истории. (История мировой экономики. Вып. 2). Сб. ст. М., 2013. С. 244–256: <http://www.rgae.ru/publikacii/pushkarev-denezhnaya-reforma-1947-g-i-chernyi-rynok.shtml>.*

¹⁰² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 58.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 209.

ней уверенно ждали положенных льгот. Уже в конце июля 1945 года начали составлять списки руководящего состава Штаба СВАГ на получение литерных пайков.¹⁰⁴ Такие пайки отоваривали в специальной литерной секции «Гастронома» «Особторга». 13 августа 1946 г. начальник «Особторга» В. И. Хотинский распорядился выделить литерную секцию в самостоятельный магазин.¹⁰⁵ Он понимал исключительность своего ведомства и требовал от подчиненных быть на высоте. Они должны были работать и выглядеть так, как того требовал приказ заместителя наркома торговли Союза ССР № 243 от 11 августа 1945 г.¹⁰⁶ А потому приказ этот был зачитан на производственных совещаниях, его изучали на занятиях персонала. Приказ апеллировал к идеалу работника «Особторга»: «безупречный внешний вид» и «соблюдение всех правил личной гигиены». К работе не должны были допускаться сотрудники «в грязной, неисправной или некомплектной спецодежде», «с нечистыми руками», небритые и непричесанные. В «случае необходимости» следовало организовать «систематическое обслуживание парикмахерами (маникюр, прическа и пр.)». В специальных журналах, которые должны были храниться у директоров, следовало ежедневно фиксировать результаты проверки умывальников, душа и уборных.¹⁰⁷

Можно было бесконечно изучать и прорабатывать спущенный сверху приказ о том, каким должен быть советский продавец, но что-то в самой системе, даже заточенной на обслуживание руководства, явно сбило. Когда комиссия, прибывшая с проверкой уже на излете деятельности «Особторга», заглянула в его холодильник, то пришла в ужас: «оболочка на колбасных изделиях осклизла, покрылась плесенью», рядом с испорченной колбасой лежит только что поступившая, на полу на деревянном подстиле — испорченные сыры, из которых некоторые совершенно сгнили и тут же свежие ... Стены камеры покрыты плесенью, мясо хранится свыше года, рыбная секция завалена нереализованной соленой треской».¹⁰⁸

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 12. Д. 45. Л. 25; Оп. 49. Д. 6. Л. 21.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-9436. Оп. 2. Д. 4. Л. 23.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-9436. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–28.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 17. Л. 40.

В декабре 1946 года Берлинская контора «Особторга» «с магазинами, ресторанами, подсобным хозяйством и другими предприятиями» была передана в Управление торгово-бытовых предприятий СВАГ.¹⁰⁹ На ее основе была создана новая структура — Контора коммерческих предприятий¹¹⁰, которая и стала заниматься литературным снабжением начальства. На 1947 год советское правительство выделило СВАГ 496,5 полных литературных пайков.¹¹¹ Этот лимит должен был быть распределен между 1 147 представителями руководящего состава СВАГ, Советских Акционерных Обществ (САО) и других организаций. Однако попутно выяснилось, что до этого выдача карточек на литературные пайки производилась «без установления твердого лимита по управлениям и без учета штатного состава руководящих работников». В отдельных организациях литературные карточки выдавали «не только руководящему составу, но и второстепенным работникам», поэтому начальник Управления торговли и снабжения СВАГ И. Т. Дрофа счел необходимым с мая 1947 года установить «единый порядок выдачи» литературных пайков по специальному перечню.¹¹²

Распределив пайки, И. Т. Дрофа с гордостью доложил: «... дополнительных продовольственных ресурсов не потребуется».¹¹³ Однако он был слишком оптимистичен. Тут же посыпались многочисленные просьбы. Перечень должностей, претендующих на литературное снабжение, незамедлительно подвергли корректировке. В него добавили уполномоченного Госплана СССР, начальника отдела МГБ, прокуроров управлений СВА, начальников секрета-

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 17. Л. 42.

¹¹⁰ В мае 1948 г. Контора коммерческих предприятий была преобразована в контору Спецторговли продовольственными товарами. Она занималась торговлей продуктами через закрытую торговую сеть, а также отвечала за коммерческие рестораны и магазины литературного снабжения. См.: Приказ Главноначальствующего СВАГ № 0134 от 14/15 апреля 1948 г. «О ликвидации коммерческой торговли продовольственными товарами на территории Советской зоны оккупации Германии». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7 Д. 72. Л. 133–140).

¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 16. Л. 16–17.

¹¹² С мая 1947 г. выдача литературных пайков руководящему составу производилась «согласно лимиту»: по норме I группы (полный существующий паек) — 152 чел., по норме II группы (половина полного существующего пайка) — 615 чел., по норме III группы («литер “А”, действующий в Советском Союзе и вновь устанавливаемый по СВАГ») — 380 чел. См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 16. Л. 16–17.

¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 16. Л. 17.

риатов Главногоначальствующего, руководителей Объединенного профсоюзного комитета... В итоге превысили лимит на 100 пайков. Просьб было так много, что и.о. начальника Управления торговли и снабжения СВАГ А. А. Шумилин запросил у начальника Штаба СВАГ разрешение больше не принимать к рассмотрению отдельные ходатайства «об увеличении лимитов или повышении категории».¹¹⁴ Но и в 1948-м, и в 1949 году ходатайства о выделении литературных пайков и повышении их статуса продолжали поступать.

Можно отметить некое «бурление» снизу, постоянно звучащие требования более справедливого распределения привилегий, если такое в принципе возможно. Недовольные выступали против привычной привязки пайка к начальственной должности. Предлагали выделять литературные пайки профессионалам с большим опытом работы, хорошо зарекомендовавшим себя.¹¹⁵ В мае 1949 года начальник политотдела СВА земли Саксония полковник Зяблов докладывал начальнику Политуправления СВАГ, что «... в политотдел земли поступали и продолжают поступать многочисленные заявления коммунистов на имеющиеся серьезные пороки в существующей системе выдачи литературных карточек». Он указал, что «целый ряд товарищей» с более высокими должностными окладами, воинскими званиями, образованием и «квалифицированностью» литературные карточки не получали и «назрела пора внести коррективы». Литерными продовольственными карточками, по его мнению, следовало наделять «не только категории должностей», но и конкретных высококвалифицированных работников — «по степени ответственности и важности исполняемой ими работы».¹¹⁶ Вполне понятно, что подобные предложения так и остались предложениями. Стоило государству признать право на исключения и привилегии за более широким кругом лиц, как высший управленческий слой рисковал остаться без своего статусного отличительного признака — «особого потребления».

Пока начальство пробивало себе и своим самым нужным работникам литературные пайки, рядовые сваговцы толкались в очередях за положенным им продовольствием. В магазины продукты завозили неравномерно, и не было уверенности, что удастся пол-

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 16. Л. 24–25.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 108. Л. 84–85.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 90. Л. 162–163.

ностью отоварить продовольственные карточки.¹¹⁷ И хотя снабженцы рапортовали, что «план товарооборота розницы... значительно перевыполнен», речь, как всегда, шла о количестве, а не о качестве и ассортименте.¹¹⁸ К этому нужно добавить и постоянное тяготение снабженцев к особому виду товара. В сентябре 1946 года обеспокоенные финансисты сообщали, что торговая сеть затоварена ликеро-водочными изделиями.¹¹⁹

Майор Столяр из Рандовской комендатуры был не одинок, упрекая начальство: «...деньги на питание семьи высчитывают, а продуктов полностью не дают. Даже детей не могут удовлетворить всем, чем требуется».¹²⁰ Мяса, молока и овощей часто не хватало на всех, что вызывало нездоровый «ажитаж и недовольство».¹²¹ Сваговцы жаловались: «Вот уже лето проходит, а мы еще не видели овощей и зелени, в то время как немцы регулярно через свои магазины получают капусту, морковь, огурцы и др. Были бы мы в СССР, то я хоть раз в неделю купила бы молока, овощей, а здесь все запрещено (покупать на немецких рынках. — Авт.), а организовано не снабжают»; «Я, наверно, скоро буду болеть цингой, потому что проходит лето, я еще не видел ни грамма ни овощей, ни зелени».¹²²

¹¹⁷ В СВАГ функционировали магазины Административно-хозяйственного управления СВАГ (их называли магазинами АХЧ, склад-магазинами, магазинами сухопайщиков, выдачи сухого пайка, позднее магазинами УМТО), в них выдавали нормированные продукты по карточкам, и магазины Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ (магазины ОТБП), в которых можно было приобрести как нормированные продукты, так и положенное сверх нормы продовольствие. Несмотря на то что количество магазинов постепенно увеличивалось, все равно их было недостаточно. Например, магазин № 1 в г. Галле на Марктплатц обслуживал 7 комендатур. Причем некоторые комендатуры были расположены в десятках километров от магазина. (ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 15. Л. 20–23). К тому же небольшие магазины в землях и провинциях оказались малоэффективными. Плохой выбор товара, потери в связи с транспортными расходами, не налаженный учет и контроль, растраты и хищения. Летом 1948 г. было принято решение сократить количество мелких магазинов. Решили открыть «межрайонные магазины». Их «на договорных началах» передали местным кооперативным обществам «Конзум» (Союз потребительских обществ земли).

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 48. Л. 27.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 627. Л. 13.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 49. Л. 333.

¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 9. Л. 30.

¹²² ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 74. Л. 18.

Комиссия Политического управления СВАГ, дотошно проверявшая в марте 1947 года торгово-бытовые предприятия, отметила, что «завоз товаров» в провинции и земли в большинстве случаев проходил с большими перебоями. Не поступила в магазины треть необходимого мяса, еще хуже обстояло дело с молоком и яйцами, рыбой, жирами. Не лучше было положение и в «столице» СВАГ — Карлсхорсте. Мясо, рыбопродукты, яйца поступали нерегулярно. С манной крупой были постоянные перебои. В марте она так и не появилась на прилавках, «несмотря на большое количество детей, стоящих на снабжении».¹²³

Подсобное хозяйство УМТО СВАГ¹²⁴, по мнению комиссии, превратилось в «источник хищения и разбазаривания». Запущенно, грязь, низкие удои, бидоны ржавые, санитарные книжки отсутствуют, куры «больны и низкой упитанности», учет и отчетность в неудовлетворительном состоянии ...».¹²⁵ Скот «почти весь болен туберкулезом, бруцеллезом и чесоткой» и доведен до истощения.¹²⁶ В Берлине в марте 1947 года сотруднице Штаба СВАГ было выдано из магазина такое мясо, что домработница-немка отказалась готовить, заявив, что его нужно выбросить, что и было сделано»¹²⁷, докладывала комиссия начальнику Политуправления СВАГ.

Проверяющие были недовольны и состоянием продовольственных магазинов. Даже в Берлине их помещения «не обеспечивали культурной торговли». Например, площадь торгового зала овощного магазина была всего 8 квадратных метров, а прикреплено к нему было 3 000 потребителей. В день проверки очередь достигла 50–60 человек и «тянулась по 3–4 часа». В мясном магазине (площадь торгового зала — 10 квадратных метров) толкалось

¹²³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10 Д. 15. Л. 4–57.

¹²⁴ Начальник УСВА федеральной земли Тюрингия Колесниченко еще в 1945 году сомневался, что от подсобных хозяйств может быть хоть какая-то польза: «... немецкая земля требует тщательного ухода, удобрений, строгого соблюдения агротехники, что наши хозяйственники не могут обеспечить, не зная условий и не имея необходимых средств...». По его мнению, отношение «к этим подсобным хозяйствам, мягко говоря, довольно некультурное, ведущее к разорению и развалу хозяйств, и польза от них только кое-кому из начальников, которые смотрят на это хозяйство как на дойную корову для себя лично и для близкого круга людей» (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 80. Л. 33–340).

¹²⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 14–17.

¹²⁶ Там же. Л. 9.

¹²⁷ Там же. Л. 9–10.

20–30 человек. «В бакалейном магазине № 1 — с утра была очередь покупателей в 60 человек и увеличивалась до 90 человек».¹²⁸ Иногда очередь занимали в 6, а то и в 4 часа утра.¹²⁹ Из-за того что «отпуск продуктов производится в крошечных магазинчиках», люди вываливались на улицу.¹³⁰ Разгонять очереди, как делали еще до войны в Москве¹³¹, было невозможно. Все это происходило на глазах у немцев и союзников. Очереди и так привлекали внимание. Коммунисты на партсобраниях рассказывали, как проезжавшие на автомашине американцы фотографировали длинную очередь, «стоящую у магазина на улице Тресков аллее».¹³²

Все попытки наладить ритмичное обеспечение продуктами в рамках снабжения централизованного терпели неудачу. Тогда прибегали к обычным мерам — предоставляли определенным категориям потребителей некие исключительные права, чтобы хоть как-то уменьшить толчею. В Тюрингии в июне 1947 года было решено ввести особые пропуска на право внеочередного получения продуктов для работающих женщин. Тем, кто был внесен в специальный список, продавцы должны были предварительно расфасовать продукты и выдать без очереди.¹³³ В УСВА провинции Саксония установили подекадный «порядок отоваривания»: вторая декада для районных комендатур, третья — для сотрудников УСВА и т. д. Правда, время работы магазина оставили прежним, неудобным — оно совпадало с рабочим днем (с 8 до 12, с 14 до 18 часов). Предлагали сделать исключение и для офицеров-одиночек — выделять им определенное время, когда можно проходить без очереди, а на их лимитных книжках — ставить «отличительный штамп».¹³⁴

Толкотня представителей оккупационной власти за продуктами и вещами не прибавляла этой власти авторитета. Очереди были шумными и беспокойными, с ссорами, публичными оскорблениями с показыванием «фиги»¹³⁵ и даже драками на глазах у немцев.

¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 102. Л. 58.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 9. Л. 40.

¹³⁰ Там же. Л. 11.

¹³¹ *Осокина Е.* Прощальная ода советской очереди // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (43): <http://magazines.russ.ru/nz/2005/43/oso10.html>.

¹³² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 9. Л. 30.

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 2. Д. 8. Л. 41.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 12. Л. 142; Д. 15. Л. 187.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.

Здесь, не обинуясь, резали правду-матку, и «можно было услышать все, что угодно».¹³⁶ Или неугодно! Болтали «о всяких таких вещах и событиях из жизни Советского Союза и СВАГ». Начальство пугало, что из-за слишком разговорчивых жен мужья могут запросто отправиться назад в СССР.¹³⁷ Парторг Управления торговли и снабжения СВАГ А. Карагодин вполне серьезно предложил Политуправлению СВАГ систематически посылать своих соглядатаев в магазины. Они должны были «посмотреть на поведение жен, послушать их разговоры и наиболее распущенных тут же призвать к порядку». Пусть, мол, другие увидят, что «безнаказанно болтать и дискредитировать Советский Союз нельзя».¹³⁸ С другой стороны, если простоять в очереди 3–4 часа, как можно удержаться от «резких суждений»?

Рядовые обладатели продовольственных карточек делились на сухопайщиков, т. е. получавших пайки на руки¹³⁹, и «довольствующихся» в офицерских столовых. Тех, кто в силу обстоятельств пользовался услугами общественного питания, вряд ли могло удовлетворить качество еды и обслуживания. Да и столовых не хватало. Даже в Карлсхорсте. Еда была однообразной и невысокого качества, помещения не отличались чистотой.¹⁴⁰ Первое время столовые были «тесными» и находились «в непригодных помещениях», не хватало тарелок, ножей, вилок, кухонного инвентаря.¹⁴¹ То же самое можно было сказать и о столовых в провинциях и землях.¹⁴² Будучи не в силах решить эту проблему для *всех* офицеров, начальник УСВА провинции Мекленбург генерал-майор М. А. Скосырев пошел по проверенному советскому пути. Он распорядился открыть столовую на хозрасчете для избранных — «генеральскую». Здесь в полном соответ-

¹³⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 9. Л. 40.

¹³⁷ Там же. Л. 31.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ 1 июля 1948 г. бессемейные работники потеряли право на сухой паек и должны были питаться только в столовых. См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 0214 от 16 июня 1948 г. «Об упорядочении и улучшении питания, размещения и обслуживания личного состава СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 73. Л. 184–193).

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 8. Л. 6–8; Оп. 46. Д. 1. Л. 6.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 57. Д. 31. Л. 87–88.

¹⁴² См.: ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 2. Д. 1. Л. 14–15; ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 29. Л. 59.

ствии с утвержденным списком могли пообедать 11 полковников и «прибывающие во временную командировку работники вышестоящих органов».¹⁴³

Со своей стороны, директора столовых жаловались, что им отпускали «не те продукты, которые необходимы для приготовления разнообразной пищи», снабжали в основном «перловой или ячневой крупой, чего офицеры не едят, и пища остается на столах».¹⁴⁴ Но если сразу после войны такое состояние можно было как-то объяснить, да и особых жалоб не было — накормили и хорошо, то после того, как было создано специальное Управление торгово-бытовых предприятий СВАГ и снабжение продуктами должно было наладиться, столовые, как ни странно, остались такими же.

Весной 1947 года начальник 5 отдела Главного Интендантского управления Вооруженных Сил подполковник Гольдберг проверял, как организовано питание офицерского и вольнонаемного состава советских войск за границей (инспектировал он и СВАГ). Гольдберг нарисовал довольно неприглядную картину типичной офицерской столовой: «... в обеденных залах нет порядка. Шинели снимаются тут же и развешиваются или раскладываются на стульях или на столах. За спиной обедающего стоит очередь, в ожидании свободного стула. За столом сидят скученно. Скатерти, как правило, грязные, салфеток на столах нет, сервировка стола плохая, один нож на несколько человек, солонки нет. Выставленные на столах бумажные цветы не являются даже внешним показным признаком культуры, так как на них скапливается пыль, и они всегда засижены мухами... Несмотря на достаточное количество продуктов хорошего качества, меню однообразное, вкусовые качества блюд — низкие. Официантки [...] подают грязными руками, ногтей не чистят, спецодежду носят грязную».¹⁴⁵

4 февраля 1948 г. появилась директива № III/3/1230327с заместителя начальника Министерства вооруженных сил СССР В. А. Баюкова об улучшении организации питания генералов, офицерского состава и вольнонаемного состава советских войск,

¹⁴³ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 2. Д. 1. Л. 42.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 169, 170.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 267. Л. 17.

находящихся за пределами СССР. Этот документ был издан после постановления Совета министров СССР № 4020 от 16 декабря 1947 г., которое предусматривало улучшение всего дела общественного питания в стране. Перечислив застарелые недостатки общепита, генерал-лейтенант предписал в течение двух месяцев все исправить, наладить диетпитание, снабжение овощами и фруктами, а в буфетах — расширить ассортимент и продавать там полученные из СССР деликатесы.¹⁴⁶ Баюков как будто услышал сетования начальника Группы контроля СВАГ Н. Панова, который, как нам кажется, был тайным гурманом. За два дня до приказа, проверяя в очередной раз स्वाговские столовые, он с огорчением заметил, что «в буфете нет: селедочки, рыбы (заливной, копченой, в соусе), простокваши, варенца, молока, сливок, творога сладкого, булочек, сдобы, торта, пирожного, колбасы, сарделек, сосисок, сыра, варенья, меда, конфет, кофе и какао».¹⁴⁷ Позднее Панов выразился жестче и определеннее: «Буфеты в столовых по существу отсутствуют, так как, кроме воды и пива, ничего не имеют, а деликатесами, предусмотренными приказом, даже и не пахнет».¹⁴⁸

Командование СВАГ распорядилось срочно перестроить работу столовых в соответствии с директивой из Москвы. Однако, судя по результатам проверки, проведенной через три месяца, хотя для столовых и стали отпускать дополнительные продукты: мясо, молоко, сливки, масло, — питание в них так и осталось «*неудовлетворительным*». Эту оценку выделил и подчеркнул лично начальник Группы контроля СВАГ генерал-майор Н. Панов.¹⁴⁹ Недаром после прочтения одной из докладных записок о состоянии столовых начальник Штаба СВАГ генерал-лейтенант Лукьянченко гневно вопрошал главных снабженцев СВАГ: «Когда же все-таки у нас будут столовые в отличном состоянии? Все имеем, но сделать все зависящее от вас, не хотите!»¹⁵⁰

Мечта советского человека стать одним из тех, кого «кормят» наособицу, получила своеобразное развитие в «маленьком СССР». Этот человек оказался на работе в ведомстве, аналогов

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 104–106.

¹⁴⁷ Там же. Л. 78.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 111. Л. 140.

¹⁴⁹ Там же. Л. 139.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 145.

которому не знала советская бюрократическая система. Выполняя важные для страны задачи, он полагал, что такое исключительное положение дает право на особое «кормление». На деле все было не совсем так. Рядовые сотрудники как представители оккупационной власти имели возможность в первую очередь получать качественные продукты питания в полном объеме, но им приходилось постоянно бороться за свои потребительские права, используя методы и способы, сформированные в условиях советского тотального дефицита. Стоять «днями в очередях», заниматься самоснабжением, отбиваться на партийных собраниях от обвинений в «притуплении политической бдительности» из-за походов на «черный рынок», постоянно жаловаться начальству на перебои с продуктами и требовать, чтобы «качество было получше».

Оказалось, что даже в благоприятных для «сталинского человека» условиях организованное по-советски снабжение продолжало работать по привычной схеме: дефицит, очереди, связи, потребительские иерархии. Ее (этой системы) органические болезни нельзя было вылечить с помощью привычных заклинаний, связывавших возникавшие проблемы с «плохой воспитательной работой», бюрократизмом снабженцев, которые «не болели за порученное дело и за бумагой не видели живого человека».¹⁵¹ Все это было правильным, но совершенно бесполезным. В свою очередь, рядовые сотрудники СВАГ (и тоже по советскому обыкновению) вину в снабженческих проблемах свое начальство, тех, чьи потребительские продовольственные привилегии были у них на виду. Сваговцы не добирались в критике до слишком высоких этажей и не углублялись в действительные причины. Объяснения и жалобы были слишком просты, хотя и справедливы: «Продовольствие дают нам низкого качества, а сигаретами могут отравить, ибо от них кашляет не только тот, кто курит, но и тот, кто находится рядом с курящим. Отдел торгово-бытовых предприятий служит только для начальников. Начальство все загребает себе, а нам дают то, что им не нужно. Поэтому и заботы у них о нас нет».¹⁵²

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 46. Л. 69.

¹⁵² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 52. Л. 44.

Вещи: необходимость и мечта

Оккупационная власть и внешне должна была выглядеть достойно. В конце концов, это вопрос политический. Негоже было советским офицерам ходить в заношенных гимнастерках на фоне щегольски одетых союзников. Мы уже писали о том, как, мягко говоря, «неэлегантно» были обмундированы в первое время представители самой массовой сваговской «профессии» — офицеры и рядовой состав военных комендатур. Гражданские сотрудники СВАГ поначалу выглядели не лучше. Как докладывал Политотдел Штаба СВАГ в августе 1945 года, они прибывали из СССР, часто «не имея даже сменного белья, постельных принадлежностей, туалетного и хозяйственного мыла». На этой почве у некоторых «имелись настроения» уехать обратно.¹⁵³ Да и позднее внешний вид прибывающих мало изменился в лучшую сторону. Переводчица французского языка, приехавшая в Германию в 1947 году для работы в аппарате Политического советника, вспоминала, что у нее были с собой только две пары обуви — старые поношенные боты на ногах и парусиновые тапки в чемодане. В Карлсхорсте она ловила насмешливые взгляды офицеров, в том числе и будущего мужа, с недоумением разглядывавшего ее допотопные боты. В такой обуви на встречу с иностранными представителями не пойдешь.¹⁵⁴

СНК СССР с самого начала обязал Начальника Тыла Красной Армии обеспечить личный состав военной администрации «двойным комплектом обмундирования улучшенного качества, а руководящий состав, кроме того, штатской одеждой».¹⁵⁵ Когда осознали, что в СВАГ прибывает на работу немалое число гражданских сотрудников и неправильно одевать их, по выражению маршала Жукова, в военную «неполную» форму, то есть без погон и знаков различия, первоначальное решение дополнили. СНК обязал Наркомторг СССР выдавать гражданским «верхнюю одежду и обувь повышенного качества».¹⁵⁶ Но на деле осуществить по-

¹⁵³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 23. Л. 5.

¹⁵⁴ Из личных воспоминаний М. В. Коробковой (в пересказе ее дочери Марины Козловой).

¹⁵⁵ Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. С. 971.

¹⁵⁶ См.: Распоряжение СНК № 10 548рс от 8 июля 1945 г. (ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 47а. Д. 5093. Л. 2–3).

доброе через два месяца после окончания войны было сложно. Даже в Штабе СВАГ дела обстояли не лучшим образом. Нужно было срочно искать выход.

В начале августа 1945 года представители СВАГ вылетели в столицу за получением экипировки. Получили, видимо, не всё. В некоторых отделах материал на пальто и костюмы выдали из расчета 70–80% к наличному составу.¹⁵⁷ Использовали и местные возможности. В конце августа 1945 года военным комендантам городов Цвикау, Хемниц и Лейпциг было приказано оказать содействие представителю Штаба. Они должны были помочь ему отобрать и закупить материал для «пошивки обмундирования, одежды и обуви для сотрудников».¹⁵⁸ В ноябре выяснилось, что немецкие фирмы, которым доверили «шитье костюмов из шерстяного материала», полученного в Москве, испортили все «готовые изделия». Руководство Военторга¹⁵⁹ обвинили в том, что «вместо отказа принимать брак» оно «прикрыло вредительские действия немцев и вызвало массовое недовольство сотрудников».¹⁶⁰

Первоначально сваговцев обеспечивали промтоварами через «торговую сеть военторгов по талонам и спискам».¹⁶¹ Но особым почетом пользовались ордера, предполагавшие разовое разрешение на получение «недостаточных» товаров. На них поначалу никакие ограничения не распространялись. (В СВАГ до 1946 года

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 51. Д. 20. Л. 208.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 2. Д. 3. Л. 197.

¹⁵⁹ Военторг СВАГ был организован в мае 1945 г. по решению Военного Совета 1-го Белорусского фронта. Он получил название «Берлинский», но четких указаний о контингентах обслуживания и объеме работы не имел, поэтому с мая до конца июля присланный из Москвы аппарат переживал организационный период. За это время сменилось более 10 руководящих работников. До 1 июля 1945 г. Военторг СВАГ находился в ведении Военторга ГСОВГ, затем приказом НКТорга СССР № 232 от 10 июля 1945 г. был выделен в самостоятельную организацию. Он стал «самостоятельным отделом (согласно устному указанию маршала Жукова) и подчинялся Торговому отделу при Главном интенданте Красной Армии», обслуживая Штаб СВАГ. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 40–42). До сентября 1945 г. все его товары реализовались по ценам, существующим в СССР. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 622. Л. 29.) Военторг СВАГ имел 5 промтоварных и 6 продовольственных магазинов, 12 столовых, 5 ларьков и буфетов и 20 производственно-бытовых предприятий. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 631. Л. 45–46).

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 5. Л. 14.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 1. Л. 212.

лимитных книжек, таких как в ГСОВГ, не было¹⁶²). По оценке начальника Финансового управления СВАГ П. Малетина, обеспечение промышленными товарами было «крайне неудовлетворительно». Нормы снабжения не установлены, да и само снабжение «происходило от случая к случаю». Магазины Военторга СВАГ в Берлине «с возложенными на них функциями не справлялись», а в провинциях и землях магазинов «закрытого типа для снабжения советских работников» просто не было. Существовавшая практика выдачи ордеров, по мнению Малетина, никем не регулировалась, что создавало возможность злоупотреблений.¹⁶³

В январе 1946 года на базе Военторга СВАГ было создано Управление торгово-бытовых предприятий СВАГ (УТБП) с отделениями в провинциях и землях.¹⁶⁴ Оно должно было заниматься распределением лимитированных товаров, но с трудом разворачивало свою работу. Одно было понятно: переход на лимитные книжки в СВАГ скоро неизбежно произойдет, тем более что они уже действовали в ГСОВГ. Само наименование этого документа говорило о более упорядоченной снабженческой практике — лимитные книжки зафиксируют *нормы* выдачи промышленных товаров и резко сузят сферу действия бесконтрольных индивидуальных ордеров. Готовясь к этому неприятному для управленцев событию, руководство структурных подразделений центрального

¹⁶² В августе 1945 г. Совнарком СССР разрешил продавать личному составу ГСОВГ нормируемые промтовары из числа тех, что закупались в Германии, по «немецким ценам» (они были значительно ниже советских) и «без предъявления промтоварных карточек». Однако, понимая, что продажа без карточек по «удешевленным ценам» вызовет ажиотаж, тут же было введено ограничение — лимитные книжки. По ним ежемесячно можно было покупать нормируемые товары лишь на определенную сумму. В ГСОВГ генералам ежемесячно выдавалась лимитная книжка на 2 000 марок, офицерскому составу — на 500 марок, вольнонаемным инженерам — на 1 000 марок, машинисткам, делопроизводителям, чертежникам — на 500 марок, остальной вольнонаемный состав получал лимитные книжки на 200 марок. К лимитированным товарам не относились «товары ассортиментного минимума и спиртоводочные изделия». См.: Постановление Военного совета ГСОВГ № 0161 от 22 августа 1945 г. «Об изменении политики цен в системе Военторга ГСОВГ» (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 65. Л. 378 об. — 379).

¹⁶³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 218. Л. 85–86.

¹⁶⁴ См.: Приказ № 014 Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ об организации Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ в Германии в соответствии с распоряжением СНК СССР от 7 января 1946 г. № 154рс (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 22. Л. 79–90).

аппарата СВАГ решило помочь своим сотрудникам. Основной товарный поток был направлен *в обход магазинов*, напрямую в управления и отделы. Началась большая распродажа товарных запасов.

Всего Управление торговли и снабжения СВАГ с 25 января 1946 г. по 1 апреля 1946 г. отпустило управлениям, отделам и воинским частям Штаба СВАГ по ордерам для распределения между сотрудниками более 80 тыс. метров шерсти для костюмов и пальто, более 12 тыс. мужских сорочек, около 5 тыс. пар дамской и мужской обуви и многое другое.¹⁶⁵ За то же время дополнительно «различным организациям и отдельным лицам» было выдано более 80 нарядов на различные товары, из них часть «по запискам и отношениям»! Вероятно, кое-что предназначалось начальству: мех на манто под котик, черно-бурые лисицы, ружья, ковры, бархат, тюль... Все дефицитное и трудно доставаемое. «Большая распродажа» по ордерам, по понятным причинам, не нашла никакого отражения в официальной истории Управления торговли и снабжения СВАГ. Даже когда с 1 апреля 1946 г. Управлению было запрещено выдавать наряды, минуя Планово-экономический отдел, эти выдачи в мае все равно продолжались.¹⁶⁶ Заодно, оправдываясь сложной ситуацией, в ход пустили и другие способы удовлетворения потребностей сотрудников управлений и отделов — и всё «в порядке исключения».¹⁶⁷

Снабженческая самодеятельность управлений и отделов центрального аппарата пошла на убыль в апреле 1946 года, когда наконец были введены лимитные книжки. В августе того же года их перевыпустили и установили единые правила продажи промышленных товаров для СВАГ. Лимитные книжки были четырех категорий, каждая из которых соответствовала определенно-

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 102. Л. 118.

¹⁶⁶ Там же. Л. 121.

¹⁶⁷ Например, Управлению репараций и поставок СВАГ удалось получить разрешение от Министерства внешней торговли СССР на приобретение за счет трофейных марок (с последующим их погашением) товаров для нужд личного состава на сумму 500 000 марок. Часть закупленного пошла на оборудование служебных помещений, «большая часть» была выдана «работникам за плату». Н. А. Панов дотошно перечислил в докладной все приобретенное Управлением с декабря 1945 г. по февраль 1946 г.: 7 000 метров шелка, 244 шт. ковров, 800 метров ковровых дорожек, 5 тысяч метров различных тканей, дамские и мужские туфли по 500 пар и т. д. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 102. Л. 117–118).

му уровню бюрократической иерархии.¹⁶⁸ Сотруднику полагалась одна книжка независимо от состава проживавшей с ним семьи. Продажа по лимитным книжкам производилась по нормам постановления Военного Совета ГСОВГ № 28 от 16 марта 1946 г.

Таблица 2. Обязательный минимум основных промышленных товаров по нормам постановления Военного Совета ГСОВГ № 28 от 16 марта 1946 г.¹⁶⁹

	Ед. изм.	Для генералов / для полковников	Для офицерского состава	Для вольнонаемного состава	Для детей
Хлопчатобумажные ткани	м	8/5	5	3	3
Шерстяные ткани	м	5/3	3	—	—
Шелковые ткани	м	8/5	3	2	—
Готовое платье	шт.	2/1	1	1	1
Белье	пара	3/2	2	1	1
Верхний трикотаж	пара	2/1	1	1	1
Чулки	пара	6/4	3	2	2
Носки	пара	5/3	2	2	—

¹⁶⁸ Первые три категории для начальства:

— «вне серии» — для генералов, начальников управлений СВАГ, УСВА, коменданта Советского сектора г. Берлина, начальников некоторых отделов СВАГ — народного образования, здравоохранения, рабочей силы, кадров, а также для работников, имевших звания Героя Советского Союза и Героя социалистического труда;

— серия «А» — для заместителей начальников управлений СВАГ, начальников штабов, и заместителей начальников Управлений СВА, начальников отделов, не входящих в управления (самостоятельных), партторгов управлений и отделов, зам. коменданта Советского сектора г. Берлина;

— серия «Б» — для помощников начальников управлений, начальников отделов, входящих в управления, и их заместителей, начальников отделений, групп и бюро, полковников (если по занимаемой должности они не были отнесены к высшим категориям) и научных сотрудников, имевших ученые степени и звания.

— серия «В» — для всех остальных сотрудников. См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 0241 от 14 августа 1946 г. «О порядке продажи промышленных товаров контингенту СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 62–63).

¹⁶⁹ См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 12. Д. 58. Л. 52.

Продажу «недостаточных» дефицитных товаров — аккордеонов, фотоаппаратов патефонов, часов, велосипедов, швейных машинок, охотничьих ружей — приказано было производить по ордерам отделов торгово-бытовых предприятий. Эти ордера должны были иметь исключительно «премиальный» характер. Начальникам управлений и самостоятельных отделов следовало распределять их «среди лучшей части личного состава». Снабженцам было категорически запрещено выдавать *разовые* ордера.¹⁷⁰ Теперь подобная практика была объявлена откровенным нарушением.

Официальные нормы промтоварного снабжения сотрудников СВАГ в каких-то «номинациях» даже опережали нормы, установленные для партийных работников местных парторганизаций.¹⁷¹ Теоретически на свою зарплату сваговцы могли многое себе позволить. Но именно теоретически. И в 1945-м, и в 1946 году, а часто и в последующие годы, когда централизованное снабжение, хотя и с проблемами, но все-таки заработало, из Карлсхорста, управлений СВА провинций и земель, военных комендатур продолжали идти бесконечные жалобы: выданные лимитные карточки не отovarиваются, качество товаров неудовлетворительное. Получалось, как выразился один из жалобщиков, «неудовольствие»: «товарищи не могут даже себя прилично одеть. В магазине, где люди прикреплены «по лимитным книжкам материал очень плохой»¹⁷², вместо шерстяных тканей покупателей ждали изделия из деревянного волокна «типа шерсть»¹⁷³, взамен необходимых вещей выдавали то, что было в наличии «на фирмах или базах». Это могли

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 62–63. С 1 апреля 1947 г. лимитные книжки стали печатать на специальной бумаге, по правилам хранения и учета их приравнивали к денежным документам. Дети были выделены в отдельную категорию (группу). Новорожденным полагался «стандартный пакет с одеялом. Состав других групп (категорий) пополнился новыми должностями, нормы продажи промышленных товаров были увеличены. К обязательному минимуму было добавлено мыло туалетное, хозяйственное и мыльный порошок. См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ № 075 от 11/12 марта 1947 г. (ГА РФ. Ф. 7317. Оп. 7. Д. 44. Л. 66–78).

¹⁷¹ В Москве в 1945 году «совпартактиву» выдавались «особые заборные книжки с годовым сроком действия. Они содержали 23 ордера, в том числе на пальто, костюм, платье, брюки, юбку, 3,5 метра шерсти, 4 метра шелка, 10 метров хлопчатобумажной ткани, по 2 пары кожаной и резиновой обуви, 4 пары белья и другие товары». См.: *Твердюкова Е. Д.* Указ. соч. С. 259.

¹⁷² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 47.

быть и «спортивные короткие брюки (национальные, немецкие)», и спортивные чулки-гамаши.¹⁷⁴ Офицерам вместо «двух пар нателеного белья» могли выдать «дамские трусы»¹⁷⁵, а в тех редких случаях, когда в магазины поступал «хороший материал», его можно было получить только по «специальной записке начальника отдела торговли». Опять по записке! До коммандатур иногда даже товары первой необходимости не доходили.¹⁷⁶ Что же говорить о дефиците, который, по мнению тех, кто жаловался в зональную газету «Советское слово», оседал «в руках узкого круга лиц».¹⁷⁷

Советские снабженческие службы в Германии действовали по давно наработанным схемам, правилам и обычаям, которые могли породить дефицит даже того, что было в достатке. Снабженцы оправдывались: промышленные товары, производившиеся в Советской зоне оккупации Германии, «направлялись в первую очередь на вывоз по репарациям и интендантству Группы [советских оккупационных войск]», а выделяемые для СВАГ фонды были незначительны.¹⁷⁸ Не понятно только, зачем было «централизованно» отгружать термосы, радиоприемники, аккордеоны, пишущие и швейные машинки из Тюрингии в Берлин, а затем везти их... обратно? Или отправлять «качественный товар» в Карлсхорст, а «остатки, часто некачественные», распределять по провинциям?¹⁷⁹ Почему никак не прекращалась запрещенная начальством торговля по разовым ордерам? Даже сами сотрудники отдела торгово-бытовых предприятий на партсобрании возмущались, что с ордерами явные «непорядки»: «Сергеев пишет, Морозов пишет и Лавкер¹⁸⁰, которому не разрешено, тоже пишет [ордера]». И если бы только выписывали ордера, а то они еще и резервируют «хорошие материалы к пошивке одежды и обуви...».¹⁸¹

Детально на вопрос, куда уходили хорошие товары, ответила в марте 1947 года представительная комиссия, проверявшая рабо-

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 73.

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 50. Л. 115.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 68. Л. 159.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 111.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 44. Д. 4. Л. 16.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 114. Л. 73.

¹⁸⁰ Сергеев — начальник Отдела торгово-бытовых предприятий, Морозов — начальник автомобильного отдела, Лавкер — начальник производственных мастерских УСВА федеральной земли Саксония.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 57. Л. 66.

ту Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ: «Несмотря на запрещение отпуска различных товаров по ордерам и запискам частным лицам, их выдача «продолжает широко практиковаться». По подсчетам комиссии, за три месяца 1947 года было выдано 6 242 ордера, в том числе на промтовары — 3 499. Одних только сигарет в январе было «выдано полмиллиона, но ввиду отсутствия всякого учета, неизвестно кому». Бесцеремонно обращались снабженцы и с товарами «спецназначения («спецдрап» и «спецшерсть» высшего качества). В принципе они были предназначены для тех, кто «соприкасался с [Союзным] Контрольным Советом» и должен был выглядеть «лучше всех». Однако часть товаров «спецназначения» была роздана сотрудникам отдела торгово-бытовых предприятий, причем «спецдрап и спецшерсть» получили не только они, но и «все завмаги, зав. столовыми и продавцы», явно не занимавшие дипломатических должностей... Комиссия пришла к выводу: «созданная система бесконтрольной выдачи ордеров» и «анонимных записок» привела к «разбазариванию специальных фондов товаров, самоснабжению и снабжению друзей, знакомых и «нужных людей»».¹⁸²

Извечный советский конфликт между снабженцами и потребителями в СВАГ не только постоянно выплескивался на поверхность повседневной жизни, но однажды даже перерос свои обычные рамки и вышел из области кулуарных обсуждений на публичный уровень. На партактиве в апреле 1947 года начальник отделения информации Общего отдела Штаба СВАГ майор Богданов неожиданно выступил с обличительной речью, назвав сваговцев *жертвами* Управления торгово-бытовых предприятий: «Некоторым товарищам, которые прикреплены к специальным магазинам, в которых всегда все имеется и в достаточном количестве, конечно, трудно понять, что значит купить килограмм мяса или 5–6 метров материала, который нам дают по карточкам... Наши жены встают в 7–8 часов утра и ходят из очереди в очередь до закрытия магазинов».¹⁸³

Но не только нехватка товаров и очереди волновали Богданова. Он полагал, что «из всей системы СВА наиболее безответственно чувствуют и ведут себя работники Управления торгово-бытовых

¹⁸² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 15. Л. 80, 81, 82.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

предприятий, а их руководителям все сходит с рук: «Сколько было проведено обследований, сколько составлено актов на т. Моргунова¹⁸⁴ [...]. Тов. Моргунов не нуждается в нас, он от нас не зависит, и он нас не признает. Часто слышны разговоры о том, что тов. Моргунов — самый старший человек у нас в СВА, что полковники кланяются ему и козыряют. Есть еще хуже разговоры. ... Его [якобы] не привлекают к ответственности, потому что он задобрив все начальство».¹⁸⁵ Уверенности выступавшему придавал тот факт, что в марте 1947 года он сам принимал участие в проверке работы Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ и предельно был осведомлен о положении дел.¹⁸⁶

На следующий день начальник Политотдела Штаба СВАГ Овчинников накинулся на Богданова с обвинениями. Он назвал его выступление «политически неправильным», настаивал, что тот якобы одобрял походы сотрудников на «черные рынки». А затем перешел к демагогии: «Спрашивается, — добавил Овчинников политического перца в свою речь, — почему это советский народ у нас на Родине должен пойти на временные жертвы и переносить трудности временного характера, а мы здесь с вами должны стоять в стороне и не поставить перед собой задачу экономии и разумного использования продовольственных и промтоварных ресурсов, и созидательного (очевидно, сознательного. — *Авт.*) ограничения себя в кое-чем». А напоследок, решив добить своего невольного оппонента, заявил, что тот не выражает мнение народа!¹⁸⁷ Но, вероятно, «народ» с ним не был согласен. Почувствовав негативную реакцию зала, Овчинников быстро сориентировался и сообщил, что меры будут приняты.

Действительно, через месяц, в мае 1947 года появился соответствующий приказ Главного начальствующего СВАГ.¹⁸⁸ И в нем говорилось не только про очереди. Было и про грубое обращение

¹⁸⁴ А. В. Моргунов — начальник Управления торгово-бытовых предприятий СВАГ до 12 декабря 1947 г. См.: Советская военная администрация в Германии. 1945–1949. Справочник / Отв. ред.: Я. Фойтцик, А. В. Доронин, Т. В. Царевская-Дякина; при участии Х. Кюнцель, Д. Н. Нохотович. М., 2009. С. 883.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 73–74.

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 10. Д. 15. Л. 58–100.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 96–97.

¹⁸⁸ Приказ Главного начальствующего СВАГ № 0147 от 19 мая 1947 г. «О результатах проверки материально-бытовых условий в военных комендатурах, частях и учреждениях СВАГ». См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 46. Л. 64–72.

продавцов, низкое качество товара, «неотovarивание» лимитных карточек, скачкообразное поступление товаров, бесконечные жалобы и нарекания на работу снабженцев, злоупотребления и хищения.¹⁸⁹ Главнoначальствующий СВАГ возмущенно спрашивал: «Как могло случиться, что наши комендатуры, части и учреждения, осуществляя оккупационный режим и являясь, по существу, хозяевами положения, дошли до такого состояния?» В. Д. Соколовский потребовал: «навести полный порядок», «резко улучшить», «устранить все недочеты», «изжить формально-бюрократический стиль», то есть использовал весь набор стандартных советских увещеваний, которые, увы, мало на что влияли. Все конкретные распоряжения, прозвучавшие в приказе, уже отдавались не раз и не помогали. Представители управлений СВА земель, со своей стороны, предлагали варианты улучшения снабжения: дать им (УСВА) право самим подбирать кадры, непосредственно получать наряды на товары, закрепить лучшие немецкие фирмы за отделами торгово-бытовых предприятий УСВА земель и дать им возможность закупать товары в других зонах Германии¹⁹⁰, то есть частично децентрализовать снабжение. Возможно, такие меры и могли помочь, но централизация — «священная корова» советской системы снабжения — должна была при любых обстоятельствах оставаться в целостности и сохранности.

Постоянно всплывала на поверхность и проблема «кособого» качества «централизованных» товаров. Один из участников собрания партийного актива СВАГ в июле 1947 года высказался на этот счет весьма откровенно: «Тот товар, который мы получаем в наших торговых отделениях, по количеству устраивает, но низкого качества. В немецких магазинах продаются товары лучшего качества. Как вы ни работайте с женщинами, как ни доказывайте, все-таки отдельные женщины идут на всякого рода обмена, чтобы получить товары несколько лучшего качества, ибо спрос у советских людей повышается в силу того, что мы здесь материально лучше обеспечены».¹⁹¹ Попросту говоря, сваговские женщины в далеком 1947 году уже обрабатывали по-

¹⁸⁹ Только за 6 месяцев 1947 года, по данным военного прокурора СВАГ Н. Котляра, в торгово-бытовых предприятиях СВАГ было расхищено и разбазарено денег и товаров на сумму 919 779 руб. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 45. Д. 8. Л. 225).

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 110. Л. 158.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 57.

требительские практики «развитого социализма», когда деньги вроде бы есть, а потратить их с пользой для себя не так-то и просто ... Пребывание в Германии развивало вещевые потребности — как через сравнение с немецким потреблением, так и благодаря новым материальным возможностям. Брать «что дают» больше уже не хотелось. А получить, что хочется, с помощью небольших (или больших) хитростей и нарушений было вполне реально.

Прилично одеться и обуться, оставаясь только в рамках централизованного легального снабжения, было, как мы видим, весьма затруднительно. И в 1945 году, и позднее сваговцы прекрасно понимали: чтобы использовать неожиданно представившийся редчайший для советского человека шанс, нужно было очень постараться. Уповать только на легальные возможности системы централизованного снабжения было бы наивно. Да и требовались не только одежда и обувь. В аскетический, ущербный от постоянного дефицита советский быт можно было добавлять и добавлять много нужных и полезных «мелочей». Немецкая бытовая культура оставляла в сознании «сталинского человека» множество ярких впечатлений. Призывы сознательно ограничить «себя в кое-чём»¹⁹² слушали не очень внимательно. Каждый знал: «рано ли, поздно ли, нужно будет уезжать в СССР». И хотелось «взять с собой те необходимые вещи, которые нужны в быту».¹⁹³ Сваговцы старались, как правило, не переступить границы легального, но без полудеяльного самоснабжения они обойтись не могли. Такой «серой» деятельностью занимались в большей или меньшей степени практически все, в том числе и партийные работники, но всех наказать было невозможно. Данное утверждение ни в коей мере нельзя считать оправданием тонувших в дефиците вороватых хозяйственников, которым немцы носили «пакеты» с вещами прямо на квартиру¹⁹⁴, а тем более тех, кто запутался в своих криминальных и подсудных деяниях.

Заместитель начальника Управления СВА земли Тюрингия по политическим вопросам Г. Т. Захаров, подводя итоги своей работы в марте 1949 года, докладывал секретарю ЦК ВКП (б)

¹⁹² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 96.

¹⁹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 45. Д. 16. Л. 16–17.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 71. Л. 137.

М. А. Суслову¹⁹⁵, что «снабжение поставлено было очень плохо. Самые простых вещей для домашнего хозяйства приобрести в торговой сети было невозможно». Работники вынуждены были обращаться к немецким промышленникам, торговцам, частным лицам, которые соглашались уступать свои вещи только за продовольствие и сигареты. В результате почти все работники органов СВА земли занимались таким обменом, это настолько разжигало «обменные страсти», что «сбило с правильного пути не один десяток в прошлом хороших людей».¹⁹⁶

Методы самоснабжения были различны, а «сталинский человек», занимавшийся этим промыслом, изобретателен. Переводчица из аппарата Политсоветника, поменяв ненужный ей табак на 2 кг мяса, отправилась с ним к немецкой портнихе, чтобы сшить себе платье. Она была человеком чрезвычайно законопослушным и недавно приехала в Германию, но даже она не видела в своих действиях ничего плохого, не считала, что сбилась с правильного пути — так поступали все. О своем «предпринимательстве» рассказывала с гордостью и удивлением — ей это было совсем несвойственно.¹⁹⁷

Иногда отношения сотрудников военной администрации с немецкими фирмами приобретали даже характер частной сделки. Однажды в центральном аппарате СВАГ «неизвестное лицо» получило посылку с образцами одеял. Группа контроля СВАГ тут же занялась проверкой. Оказалось, что в конце декабря 1946 года сотрудник Управления промышленности СВАГ К. частным порядком договорился с фирмой «Штейнер и сын» (г. Франкенберг, федеральная земля Саксония) об отправке на его имя 10 ватных шелковых одеял. Действия К. квалифицировали как «самоснабжение» и «использование служебного положения». Он попытался оправдаться и заявил, что не считает себя первопроходцем. Фирма «Штейнер и сын» уже выполняла подобный заказ для сотруд-

¹⁹⁵ Докладная записка Г. Т. Захарова была адресована также Главнотрудовому СВАГ и его заместителю по политическим вопросам. Захаров был участником кадрового эксперимента ЦК. Он был назначен на должность заместителя по политической части УСВА земли Тюрингия, хотя и не был военным. (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 77. Л. 17).

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

¹⁹⁷ Из личных воспоминаний М. В. Коробковой (в пересказе ее дочери Марины Козловой).

ников Управления промышленности. И речь тогда шла ни много ни мало о 300 одеялах.¹⁹⁸ Этот товар пользовался большой популярностью. По воспоминаниям одного из авторов, они были стеганные, блестящие и даже спустя 15 лет после войны продолжали сиять темно-синим заграничным глянцем и производить впечатление откровенно заморское. Привезены они были из той же Саксонии, где в Группе оккупационных войск служил дед — майор медицинской службы.

Одним из компенсаторов недостатков централизованного вещевого снабжения была рыночная торговля. Посещать немецкие рынки, как мы уже писали, советским гражданам было запрещено, с чем, впрочем, считаться соглашались далеко не все. Правда, на рынках было не только «запретно», но и очень дорого. На сваговскую зарплату не очень-то разгуляешься, хотя по советским меркам она была высокой.¹⁹⁹ Переводчица, например, могла купить на всю свою зарплату в марках лишь отрез на платье и поношенные ботинки.²⁰⁰ Очень красочно описал свои переживания при посещении «черного рынка» в Берлине служивший в Германии Владимир Гельфанд: «Плащ продают за 5,5 тысяч (марок. — Авт.). Хороший, большой, новый, красной кожи. Хочется иметь, так хочется, аж слюнки текут, а денег нет».²⁰¹

В Берлине, на главной барахолке Германии, высокий уровень цен во многом определяли американцы. В воспоминаниях Г. А. Литвина, служившего после войны в СЗО, сохранилась яркая зарисовка (сентябрь 1945 г.): «У Бранденбургских ворот путь нам преградила непроходимая толкучка. От главной улицы Берлина —

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 105. Л. 425–428.

¹⁹⁹ Козлов В. А., Козлова М. Е. Зарплатные парадоксы Советской военной администрации в Германии (1945–1949) // История. Oßkraft. Научное обозрение. М., 2018. № 5.

²⁰⁰ В ноябре 1945 г. в Берлине новые кожаные мужские ботинки на рынке стоили от 800 до 1 200 марок (1 марка равнялась 50 коп. — Авт.), поношенные — от 200 до 600, женские новые — 700–1000, поношенные — 300–750 марок. Костюмы мужские поношенные стоили 1 000–2 000 марок, сорочки — от 150 до 200 марок, чулки из искусственного шелка — 150–180 марок, пальто мужское новое — 1 600–2 000, поношенное — 650–1 000 марок, отрезы на дамские шерстяные платья — 1 000–1 300 марок (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 423. Л. 38).

²⁰¹ Гельфанд В. Дневник 1941–1946. М., 2015: <http://knigosite.org/library/read/34392>.

Унтер-ден-Линден — до подножия обгоревшего здания рейхстага бурлила многотысячная толпа немецких, английских и американских спекулянтов, покупателей и зевак. Так называемая рейхстаговка (толкучка) решала многие проблемы своих клиентов. Американские офицеры и солдаты в коротких курточках, подкатывая к базару на «виллисах», деловито вытаскивали из кузовов блоки сигарет, исчезали в толкучке и выныривали из нее с тяжелой поклажей — антикварными вазами, дорогими сервизами, картинами. Офицерам, как правило, помогали экстравагантные дамы. Груженые добычей машины уходили по Шарлоттенбургштрассе в западную часть города».²⁰²

Комендатуры проводили в подобных местах проверки. Ловили нарушителей. Один из завсегдатаев отметил в своем дневнике 11 ноября 1945 г.: «На Александерплатц «черного базара» не было. Комендатура старалась изо всех сил. Вся площадь контролировалась зоркими патрулями, которые то и дело неоднократно и на одном месте проверяли документы, беззастенчиво требуя их у офицеров на глазах у немцев».²⁰³ Задержанные на «черных рынках» оправдывались, что они еще не получили [лимитных] карточек, а «деньги негде было расходовать». Один из провинившихся утверждал даже, что перед ним встал «гамлетовский» вопрос: «приобрести себе вещь или пьянствовать», клялся, что ведавать не ведал о запрете, к тому же начальник знал, что он был на рынке, «но никаких предупреждений не делал», поскольку пользовался рынком «сам или при помощи своего шофера».²⁰⁴

В 1946 году за сваговцев — любителей посещать «черные рынки» взялись всерьез. 1 июня 1946 г. военной комендатурой Штаба СВАГ и прокуратурой была произведена проверка и регистрация автомашин, находившихся в служебное время (с 11.30 до 15.00) на «черном рынке» в районе Лихтенберг г. Берлина. Было вылов-

²⁰² Литвин Г. А. На развалинах третьего рейха, или маятник войны. Размышления очевидца. М., 1998: <https://www.rulit.me/books/na-razvalinah-tretego-rejha-ili-mayatnik-vojny-read-31585-13.html>. М. И. Семиряга, со ссылкой на журнал «Америкэн» от апреля 1946 года, сообщает, что за год (с мая 1945 г. по апрель 1946 г.) американские солдаты «послали домой 60 млн долларов, «заработанных» на «черном» рынке» (Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995: <https://rbook.me/book/21889161>).

²⁰³ Гельфанд В. Дневник 1941–1946: <http://knigosite.org/library/read/34392>.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 40. Д. 54. Л. 38.

лено около тридцати нарушителей. Попались и начальник ОКР «Смерш», и приехавший в Берлин из провинции подполковник, и жены начальников, домработницы, шоферы, «исполняющие поручения».²⁰⁵ Результаты проверки были доложены члену Военного Совета СВАГ генерал-лейтенанту Бокову. Он немедленно распорядился подготовить соответствующий приказ по Штабу.²⁰⁶ Однако в итоге решили иначе. Статус угрозы повысили. 10 июля 1946 г. появился приказ самого Главного начальствующего СВАГ. Он был возмущен, что начальники не вели решительной борьбы с походами на «черный рынок», а политработники не только самоустранились, но некоторые из них сами бывали на барахолках. Подобные посещения еще раз «категорически запретили», а к нарушителям грозились применить «самые строгие меры наказания вплоть до предания суду военного трибунала», не говоря об откомандировании в СССР.²⁰⁷ Борьба с запретными рынками и наказание сваговцев, случайно выдернутых из массы нарушителей, проблему альтернативного вещевого снабжения не решали. Начальство могло возмущаться сколько угодно.

Женский потребительский протест. Causa belli 1947 года

В 1946 году руководители политических органов СВАГ обнаружили нового «идейного врага». «Зло» поселилось в домах сотрудников военной администрации, и это были их жены. На собраниях звучали обвинения: «женщины разложились», бегают за тряпками, да еще и требуют наладить снабжение нужными товарами. Подобные требования были расценены как вызов, спровоцировали начальственное раздражение. Женщины не боялись высказываться публично, порой переходили на крик и кричали

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 6. Л. 163–164.

²⁰⁶ Там же. Л. 163.

²⁰⁷ См.: Приказ № 0185 Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ от 10 июля 1946 г. «О запрещении посещения работниками СВАГ и членами их семей немецких черных рынков и мерах борьбы с нарушителями» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 25. Л. 71–73).

в лицо парторботникам вещи нелицеприятные. Обижались («нас здесь не уважают»), не соглашались («ни о каком разложении жен офицеров говорить не приходится», «семьи офицеров поставлены в тяжелые условия. Многие приехавшие не имеют мебели, постельного белья, посуды», «родилось более 200 человек, а продано колясок — 25», «нет пеленок, нет детских ботинок», «не от хорошей жизни идем на рынок и обращаемся в частные фирмы»). Женщины даже утверждали, что «в использовании рынка» нет «ничего страшного». Они отказывались понимать, почему нельзя сшить платье в частной немецкой фирме — «сами пошить мы не можем», «никто из нас не имеет швейных машин».²⁰⁸

Заявляли во всеуслышание, что нет ничего предосудительного в том, что женщины «хотят прилично одеться». Пытались политически «заострить» вопрос об одежде, используя стандартный идеологический аргумент — «достоинство советского человека»: «Мы проживаем не у себя на родине, где мы могли одеваться, как нам заблагорассудится. Необходимость проживать в Германии каждую из нас заставляет следить за своим костюмом. И нужно наших женщин обязать выходить в общественные места прилично одетыми».²⁰⁹ Но самое главное — пальцем указывали на жен высокопоставленных особ, объясняя, что жены офицеров не имеют такой «материальной основы», а «из того материала, который большинство из нас получили, и одного платья не надумаешь из чего сшить».²¹⁰

Их пробовали запугать. На партсобрании сотрудников Управления СВА земли Саксония начальник Штаба Т. Д. Дудоров заявил, что «женщины не посещают собрания и считают — наплевать на всех и на все... Не надо будет удивляться, что кое-каких из мужей из-за таких «активных», с загнутым кверху носом женщин придется *откомандировать из СВА с соответствующей наклейкой в личном деле* (курсив наш. — Авт.)».²¹¹ Со своей стороны, женщины возмущались специально прочитанными для них лекциями: «Надумали организовать лекции и доклады для женщин и удивляются, почему женщины на них не ходят! Потому

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 82. Л. 9–10.

²⁰⁹ Там же. Л. 9.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 57. Л. 65; Д. 82 Л. 9–10.

²¹¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 56. Л. 7.

что уровень этих докладов не удовлетворяет», «забывают, что многие женщины имеют подготовку более высокую, чем многие мужчины» и «в прослушивании лекций» им не нужна «дифференциация на мужчин и женщин».²¹² На обвинения, что не хотят работать и сидят дома, отвечали, что подходящей работы не нашли. Не каждая пойдет работать заведующей военторгом или продавцом, да и куда деть маленьких детей — «мест в яслях нет».²¹³

Публичный бой женам был дан в апреле 1947 года на партактиве СВАГ. Первый выпад сделал заместитель Главного начальствующего СВАГ по политической части генерал-лейтенант В. Е. Макаров. В своем докладе, рассуждая о влиянии буржуазной идеологии, он осудил бездетных и неработающих жен (по его мнению, таких в СВАГ было 1 680 человек). Макарова рассердило, что женщины пишут на Родину письма, восхваляя «буржуазную мишур», «свою вольготную жизнь, и ничего не делают». В качестве доказательства привел выдержку из письма жены работника комендатуры: «Мы вдвоем живем в пяти комнатах, обстановка: ковры, зеркала... Нас обслуживает немка: она готовит, стирает, моет, а я ничего не делаю. Вот так бы и у нас в России».²¹⁴ Макаров также сообщил, что в газете «Нью-Йорк геральд таймс» появилась статья, «что Запад создал для русской женщины большой интерес к нью-йоркским модам... Госпожа такая-то удивляет портного своим знанием нью-йоркских мод. Недавно она себе заказывала пальто и остановилась на нью-йоркской моде». По мнению Макарова, «этот советский человек... не думает ни о чем. Он ездит в американские и английские зоны, производит различные виды заказов. Это для него все, и больше его ничего не касается».²¹⁵

Но неожиданно вразрез с мнением Макарова, нарушив мужскую солидарность и советскую идеологическую благопристойность, выступил начальник отделения информации Общего отдела Штаба СВАГ майор Богданов. Утверждая, что «женщины в своей массе такие же советские люди, как и мы» (вполне типичный неосознаваемый советский сексизм. — Авт.), призвал не распространять «отдельные факты недостойного поведения наших жен-

²¹² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 82. Л. 9.

²¹³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 57. Д. 53. Л. 98.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.

²¹⁵ Там же. Л. 24–25.

щин» на всех. Подчеркнув, намекая на начальство, что «не у всех жен есть такие мужья, которые могут сделать по 5 меховых шуб и по 50 платьев».²¹⁶ Другими словами, майор Богданов позволил себе покуситься на святое — на привилегии начальников и их жен, вырывавшихся из клетки лимитного потребления на оперативный простор псевдобуржуазного образа жизни.

Так, на самом представительном партийном совещании СВАГ громко прозвучало обвинение в адрес начальственных жен. На что тут же последовал ответ. Начальник политотдела Штаба СВАГ полковник Овчинников обвинил Богданова, что это именно он не учитывает «всей серьезности капиталистического окружения и влияния буржуазной идеологии на наших женщин».²¹⁷ Выступление полковника слушателям не понравилось, и «его взяли в штыки». Так оценил ситуацию на партактиве представитель Главного политического управления Вооруженных Сил СССР генерал-майор Бурцев. Он, вероятно, понял, что Макаров и Овчинников хватили лишку, нарушив каноническое правило советской пропаганды; нельзя было упрекать в буржуазном перерождении сразу всех. Потому и поторопился реабилитировать жен en masse, уточнив, что потребительскими излишествами грешат только сотни из «имевшихся в наличии» 7–8 тысяч женщин.²¹⁸

На том же партактиве коллегу по президиуму поддержал начальник Политуправления СВАГ И. М. Андреев. Он припугнул сваговец иностранной разведкой, которая «интересуется не только секретными данными, но и изучением наших людей, и не только нас с вами, но и наших жен ... ». Его прервал голос с места, который с иронией (?) уточнил: «Даже муж не знает о своей жене того, что они знают». В ответ на это Андреев добавил подробностей, непонятно откуда взятых: «Некоторые мужья не знают так о своих женах, как знает иностранная разведка. Они записывают, какой нрав у жены, какой цвет волос, характер, а потом описывается, чем она занимается за границей, ищут слабые места».²¹⁹

Ранней весной 1947 года противостояние еще не достигло точки кипения — «женский вопрос» не попал в резолюцию, при-

²¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 73.

²¹⁷ Там же. Л. 96.

²¹⁸ Там же. Л. 100.

²¹⁹ Там же. Л. 118.

нятую партактивом. Однако вскоре было предпринято новое наступление на «идейно невыдержанных» женщин. Идеологом и адептом борьбы с «женским барахольством» стал уже знакомый нам начальник Политотдела Штаба СВАГ полковник Овчинников. 11 июня 1947 г. состоялось скандальное собрание женского актива Штаба — главным образом, неработающих женщин. Овчинников выступил с докладом «О задачах советских женщин в условиях жизни за границей». Доклад вышел, мягко говоря, неудачным — грубым, женоненавистническим — и оскорбил тех, кто его слушал. 23 июня 1947 г. обиженные женщины отправили анонимную жалобу министру Вооруженных сил СССР Н. А. Булганину. Жалобщицы объяснили, что они не поставили свои подписи, потому что «... правда здесь не в почете, но на душе наболело, и мы сообща решили написать. Будем жалеть, если оно к Вам не попадет почтой, тогда мы с кем-нибудь с попутным до Москвы переслать попытаемся».²²⁰

Авторы документа просили, чтобы министр «привел в порядок некоторых зарвавшихся партийных работников», обрушившихся на «женщин с разного рода упреками и угрозами», называвших их «и барахольщицами, и бездельницами, тунеядцами и поклонницами западной культуры».²²¹ Жалобщицы обвинили Овчинникова в том, что тот не назвал ни одной фамилии. А примеры приводил, «которые могли исходить только от жен больших начальников, а никак не от простых смертных женщин». «Простые смертные женщины», обижались авторы письма, не могут «разъезжать по западным зонам и секторам», у них нет «персональных машин», а «трамваем далеко не уедешь». Да и «заказывать по две-три шубы могут только те, кто получает много денег и имеет блат — «должностной и подхалимный».²²² Жалоба, если и дошла до Булганина, то немедленно была спущена в Главное политическое управление Вооруженных Сил СССР, потребовавшее от начальника Политуправления СВАГ проверить факты и доложить. Генерал-майор Андреев встал на сторону Овчинникова. Он

²²⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 143.

²²¹ Козлов В. А., Козлова М. Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. Партийная жизнь советских коммунистов в оккупированной Германии. 1945–1949 гг. // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2018 [14] / Под ред. М. А. Колерова. М., 2018.

²²² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 142–143.

ведь и сам присутствовал на том злополучном собрании и «очень остро критиковал некоторых женщин за недостойное и позорное их поведение».²²³

На очередном партактиве (июль 1947 г.) Андреев не мог обойти молчанием произошедший инцидент, тем более что Политуправление, по его словам, «законно критиковали и в Центральном Комитете партии, и в Главном политическом управлении». Он поведал партактиву, что, когда Овчинников делал доклад «о том, как должны вести себя советские люди за границей», нашлись «такие, которые ... заявляли, что нельзя считать советских женщин плохими ... Мне потом рассказывали, что некоторые женщины после этого собрания заболели, прослушав наши упреки отдельным женщинам за недостойное поведение в условиях границы ... Когда стали призывать к порядку, то они начали кричать, что вы охаиваете всех советских женщин ... ».²²⁴

Андреев наступал: «Если мы испортим здесь за границей наших жен, они будут у нас обывателями с испорченной душой. Да и нам самим будет хуже, если она привыкнет несколько платьев носить в день, да шляпу с перьями. Ничего хорошего в этом не будет».²²⁵ Так женская шляпка превратилась в буржуазную заразу, портящую советскую душу! На этот раз в резолюцию партактива вписали: «некоторые политически незрелые члены семей не умеют правильно разобраться и оценить условия жизни за границей, попадают под буржуазное влияние, заводят связи с сомнительными людьми и восхваляют буржуазные порядки как в своем кругу, так и в письмах на Родину».²²⁶ В ноябре 1947 г., выступая на одном из совещаний, Андреев к шляпкам добавил и платья. Он был возмущен: «Какие они стали носить платья!» Мало того. Оказывается, иногда жены специально собирались, «чтобы обсудить, в каких платьях они придут на торжественный вечер (это было в Потсдаме)».²²⁷

Но женщины не отступали. В апреле 1948 г. Мария Кокина, жена старшего агронома комендатуры г. Бернбург отправила жалобу в газету «Советское слово». Она рассказала, что 5 апреля зампо-

²²³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 29. Л. 141.

²²⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 21–22.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Там же. Л. 124.

²²⁷ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 17. Л. 100.

лит Семенов проводил в комендатуре очередную политинформацию для жен офицеров. Женщины стали задавать вопросы: почему «магазин плохо снабжает, немец-торговец отпускает из-под прилавка»; «все, что поступает по книжкам, идет сначала через руки коменданта, причем лучшие товары», а распределяются они так, «что никогда не узнаешь, кто их получил». У замполита не выдержали нервы, и он стал кричать: «... дело не ваше», «осуждать действие начальства не имеете права». Тогда Мария Кокина, возмущившись, заявила: «запрещать говорить нельзя» и «говорить надо о недостатках». На что Семенов ответил, что она своим выступлением расхолаживает женщин и ее «заставят замолчать».²²⁸ Кокина не замолчала и пожаловалась в газету.

Несмотря на нападки партийных аппаратчиков, к 1948–1949 гг. коллективные усилия женской части «маленького СССР» сотворили чудо. Рассматривая фотографии из семейного альбома, мы с удивлением обнаружили сотрудниц СВАГ, выглядевших как на картинке из модного европейского журнала конца 1940-х годов. Дама в элегантной шляпке, игриво надетой немного набок, тщательно причесанная по тогдашней моде, в модном изящном пальто, оказалась комсоргом аппарата Политического советника. Осужденная начальником Политуправления злополучная шляпка не мешала ей руководить комсомольскими делами.

Конфликт начальства с чужими женами был разрешен обычным для сталинского общества методом — жестким административным решением, не принимающим во внимание интересы человека и породившим новые проблемы. Осенью 1947 года должно было произойти обновление офицерского состава военных комендатур СВАГ. Сначала офицерам, отправляемым на замену, обещали, что они смогут вызвать своих жен в Германию, как это происходило первые два года существования военной администрации. Но обещание не было выполнено. Офицеры жаловались в письмах: «Мне стало известно, что разрешения на ввоз семей для всех без исключения пока приостановлены. Я переживаю прямо до болезненного состояния»; «меня здесь ничто не радует, ни эта роскошная обстановка, ни эти немецкие ковры, по которым я расхаживаю как помещик... Здесь одному не жизнь, а самая настоящая ссылка, да еще какая»; «когда мы приехали в Берлин и были на прие-

²²⁸ ГАРФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 44–45.

ме у «больших начальников», все наши ребята в один голос задали вопрос: «Когда разрешите ввезти наши семьи?»²²⁹

Все семейные офицеры, пополнившие ряды СВАГ, оказались на новой службе «холостяками». Так, хотя бы частично, уменьшили число женского «неблагонадежного» элемента. Показательно, что Политуправление СВАГ приказало перед отъездом «собрать жен офицеров, убывающих в СССР» и разъяснить им, что необходимо хранить «государственную тайну».²³⁰ Понимать это, видимо, нужно было так: не распространяться о своей жизни в Германии, не дразнить народ. Никаких других тайн жены не знали.

Барахольство как дилемма

В словаре русского языка С. И. Ожегова (1953) слово «барахло» означает старье, старые негодные вещи, а также (пренебрежительное) вообще вещи.²³¹ Ни «барахольщика», ни «барахольства» там нет. Но в сваговской реальности, несмотря на то, что слово было разговорным, оно превратилось в бюрократический концепт, зазвучало на партийных собраниях, проникло в официальные документы и даже в приказы Главноначальствующего.²³² Видимо, эта лексема оказалась подходящим определением для новой, расцветшей в силу обстоятельств потребительской практики «сталинского человека» в Германии. Понималось «барахольство» широко и исключительно с негативной коннотацией. Иногда даже подменяло собой описание девиантных поступков и преступлений — хищений, спекуляции. «Барахольство» употреблялось наряду с незаконным обогащением, крохоборством и стяжательством. В ходу было и слово «самоснабжение», хотя вряд ли можно точно определить, как оно соотносилось с «барахольством». Произнося инвективы, не думали об оттенках или

²²⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 22. Л. 80–83.

²³⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 11. Л. 112.

²³¹ Словарь русского языка С. И. Ожегова был издан в 1949 году, в 1952-м — был дополнен и исправлен. Третье издание было стереотипным.

²³² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 26. Л. 44; Д. 48. Л. 361; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 90. Л. 125.

градациях, каждый подбирал подходящие слова для описания явлений, по его мнению, несовместимых с «советскостью». Правда, когда нужно было оценить масштабы происходящего, к детализации все-таки прибегали. Так появился мем «большое самоснабжение»²³³, относящийся к столь же «большим начальникам». Они тоже не были застрахованы от разоблачений, что явно поддерживалось общественным мнением, хотя мало кто знал подробности. Верили подобному негативу без колебаний, тем более что на партийных собраниях коммунистам все равно ничего толком не объясняли, изъяснялись намеками — ведь речь шла о Руководстве, с большой буквы. Да и на партийных активах о таких случаях говорили лишь мельком. В апреле 1947 года секретарь партийной комиссии при Политуправлении СВАГ Ф. А. Романов сообщил партийным активистам, что из партии исключен за «большое самоснабжение» начальник УСВА провинции Мекленбург генерал-майор М. А. Скосырев. Были названы и другие имена.²³⁴ В том же году на июльском партактиве СВАГ к этой теме вернулся начальник Политуправления И. М. Андреев: «У нас были такие случаи, когда наши работники настолько распоясывались, что даже крупных начальников пришлось исключать из партии...»²³⁵ Впрочем, у начальства не было особого желания «раздувать» скандальные разоблачения. Другое дело, когда наверху начинали какую-либо кампанию по закручиванию гаек — тогда приходилось «соответствовать» и выкладывать негатив на всеобщее обозрение.

В первые два послевоенных года, когда контроль бы ослаблен, а пределы ограничений размыты, повседневные практики значительно расширились. «Польза для себя» у «сталинского человека», попавшего из страны дефицита в иную цивилизацию, слишком часто брала верх над сознанием «социалистическим», отдающим приоритет «общему над частным». Для этого сотрудники СВАГ находили массу удобных оправданий. Например, такое: «Мы должны рассматривать нашу жизнь с точки зрения заграничной жизни и, безусловно, должны быть красиво одеты, немцы смотрят на русских как на отсталых людей, а поэтому мы должны как никогда показать себя умелыми (так в документе. —

²³³ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 47.

²³⁴ Там же. Л. 47–49.

²³⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 15. Л. 11.

Авт.) хорошо одеться». Вероятно, так думали многие, но не все решались высказать свои мысли вслух, тем более на закрытом партийном собрании. Автор приведенного выше высказывания — переводчик, младший лейтенант Чумаков вообще отличался некоторой экстравагантностью, например называл коллег исключительно «сударь» и «сударыня», повергая их в полное недоумение²³⁶.

Именно в послевоенные годы и именно в советском оккупационном сообществе все сваговцы, не только начальники, их семьи и избранные представители интеллигенции, впервые смогли почувствовать аромат того, что позднее назовут «вещизмом» и «потребительством». Ведь «барахольство» обозначало не только действия по добыванию вещей, но и отношение к этим усилиям как насущной жизненной необходимости: «хочу иметь» вместо «нужно иметь». Поэтому и протесывали некоторые сотрудники СВАГ «черные рынки» в поисках как необходимых, так и экзотических вещей: «Вчера барахольничал. Накупил перчаток, носков по несколько пар, много шляп и фуражек разных цветов — костюмы будут, раз есть чем накрыть голову. Радиоприемник не удалось приобрести. Теперь остается достать пишущую машинку и покрышки для велосипеда. За 250 марок купил Rasier Apparat (бритвенный электроприбор), дешево достал две пары женских туфель (за 100 и 200) — пошлю маме. Недорого отдал за женские платица. Зато с пальто меня надули. Утром, когда я к нему присмотрелся внимательно, оно оказалось все дырявое, так, что даже брюк из него не сделаешь... Пишущую машинку приобрел — элегантную такую... Она маленькая, в футлярике, так что вместилась в один из моих чемоданов. Теперь у меня семь чемоданов, восьмой — маленький и две шинели, и велосипед, и радиоприемник и столько мороки и забот впереди».²³⁷ В приведенной дневниковой записи отчетливо видно и некоторое стеснение «сталинского человека» от «чрезмерности» своего барахольства, и неведомое ранее удовольствие от обладания вещами, возможности поделиться ими с близкими, и ни с чем несравнимый потребительский энтузиазм.

Понятно, что стартовые возможности у всех были разные. Одни шиковали, другие пытались лишь приобрести необходимое.

²³⁶ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 56. Л. 33.

²³⁷ Гельфанд В. Н. Указ. соч.

Кто-то упорно искал в магазинах мыло²³⁸, другие увлекались поисками «пан-бархата», сводящего «их с ума»²³⁹, или добывали тот же бархат, но уже «для обивки собственной машины».²⁴⁰ Понятно, что оба типа потребителей — имеющие доступ к новым возможностям без ограничений (не всегда начальники) и люди обычные — стояли на разных полюсах «барахольства». В принципе таких разделяющих моментов можно назвать и больше. Недавно прибывшие на службу в СВАГ были обижены на тех, кто давно служил в Германии, успел приспособиться, наладить связи и приодеться. В одной из комендатур на женском собрании произошла размолвка между семьями — давно живущими в Германии и приехавшими на замену. Конфликт возник из-за того, что «одни» много имеют и не переживают трудностей, а «другие» — еще не устроились и «не имеют поддержки».²⁴¹ Тот, кто с трудом добывал необходимые вещи, осуждал тех, кто имел связи, был расторопнее, удачливее, мог, к примеру, использовать служебное положение и колесить на машине по Советской зоне оккупации «с целью приобретения разного барахла»²⁴², гонялся «за сюрвизами» (так в документе. — *Авт.*)²⁴³ или заказывал «по несколько костюмов и платьев одновременно».²⁴⁴

У некоторых руководителей даже рождались новые (а по большому счету — старые, мещанские) представления о шикарной, а не просто «зажиточной и культурной» жизни: кто-то заказывал праздничный сервиз «на двух тарелках с портретами... владельца и его жены»²⁴⁵, оборудовал «в подвале своей виллы» «винный погребок» — этакий «кабачок в баварском стиле»²⁴⁶ или обнаруживал тонкие нюансы в предпочтениях: «столовая под

²³⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 20. Л. 47.

²³⁹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 150. Л. 44.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 29. Д. 7. Л. 106.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 94. Л. 256. Были и совсем радикальные предложения. Солдаты, недавно пришедшие на службу из воинских частей, были недовольны, «что у тех, кто давно служит в комендатуре, имеется много вещей, по 2–3 чемодана, а у нас ничего нету» и предлагали «распределить эти вещи между всеми демобилизуемыми» (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 50. Л. 133).

²⁴² ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 64. Л. 49.

²⁴³ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 248.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 80. Л. 32.

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 21. Л. 188.

светлый орех», «кабинет под орех», а спальня «Элеонора».²⁴⁷ Кому-то нравилось отдыхать в «храме воздуха» — особом месте для банкетов руководящего состава в одной из провинций.²⁴⁸ Подобный «храм воздуха» перед войной был очень популярен в Кировоградской области. Хотелось жить красиво. Постепенно обвинения в адрес начальства окрасились «союзническим влиянием»: ты не только живешь как барин, потакая своим «барским привычкам», но еще и делаешь это с «американским размахом».²⁴⁹

Впервые со времен нэпа «буржуазное влияние» напрямую обрушилось на людей всей силой своих соблазнов. В июне 1946 года начальник Управления СВА федеральной земли Тюрингия И. С. Колесниченко обрисовал всю сложность положения: «Если до войны многие из нас только смутно представляли (больше теоретически) о капиталистическом обществе, окружающем нашу страну, о влиянии буржуазной идеологии на советских людей, то сейчас [...] напор буржуазных условий физически ощущается каждым, кто не разучился еще анализировать обстановку и не свихнулся на путь вранья в эту обстановку».²⁵⁰ Наверху тоже всё прекрасно понимали и опасались того, с чем столкнутся в Германии сваговцы, приехавшие из страны дефицита. Заместитель председателя Совета министров СССР А. И. Микоян напутствовал отбывающих в Германию: «не барахлить, не размениваться на мелкие вещи, сохранить лицо советского человека».²⁵¹ Офицеры, приехавшие в Германию на замену, утверждали, что перед отправкой их своеобразно напутствовали: «нас принимал заместитель командующего Северо-Кавказского военного округа по политчасти генерал [А. И.] Запорожец. Он заявил: «Вы едете заменять людей разложившихся и обуржуазившихся, приедете туда, возьмите их в руки».²⁵² Высшее начальство, кажется, не очень верило в имманентную «советскую сознательность». Ему было ясно, к чему может привести столкновение «сталинского человека» с капиталистической реальностью.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 57. Л. 27.

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 57. Л. 23, 24.

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 47. Л. 43.

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 13. Л. 126.

²⁵¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 174. Л. 25.

²⁵² ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 51. Л. 205.

В августе 1946 года начальник Управления пропаганды СВАГ С. Тюльпанов вопрошал на партактиве: «...Посмотрите на очень многих, разве этот стимул стяжательства, стремление к накоплению, к личной собственности, хотя бы для своей семьи, не получил дополнительного стимула за границей, в капиталистической стране?»²⁵³ Советская аксиома: капиталистическое бытие и Запад — враги, влияющие на неустойчивых, тысячекратно повторенная, вроде бы была уже надежно впечатана в сознание «сталинского человека». Ничего нового в этом смысле Тюльпанов не добавил. Важно другое — в своем выступлении он поставил «стяжательство, стремление к накоплению» и «стремление к личной собственности, хотя бы для своей семьи» на одну доску. Полковник даже не попытался объяснить своим слушателям, как в таком случае быть с официальным разрешением вывозить и отправлять в СССР довольно большое количество этой самой «личной собственности»? Где грань между дозволенным стремлением обзавестись вещами и недозволенным барахольством? Как ее измерять? Количественно? Качественно? Одно или два пальто — норма, три или четыре — достойное порицания барахольство и самоснабжение?

В принципе, на практике эта размытая граница выглядела так:

11 июня 1948 г. На повестке дня партийного собрания — персональное дело сотрудника В.:

«А.: Мне непонятно, в чем выражается обогащение тов. В.

Б.: В среднем каждый работник получил 7 предметов, а тов. В. — всего 30 предметов.

К.: Лицо В. выглядит так, что это мелкобуржуазный перерожденец. Он считает, что, прежде всего, он должен думать о себе... В. потерял чувство партийности, самоснабжение поставил как самоцель.

А.: Обвинение в обогащении — обвинение тяжелое. Нет подлинных материалов, подтверждающих это обвинение. Если будет доказано, что тов. В. по нескольку раз получал [вещи по ордерам], но от разных начальников, тогда надо это подтвердить.

В.: Вопрос обогащения — это у тов. В. есть. Ковры все получили по одному, а В. — три.

Ф.: В. имеет слабость на приобретение вещей. Что все оформлялось, это еще ни о чем не говорит. Подушки сейчас не проблема,

²⁵³ ГАРФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 5. Л. 78.

но тогда люди просто спали на полу». (В. сумел получить «два комплекта подушек», а кому-то не досталось ничего. — *Авт.*).

Партсобрание объявило В. выговор, обосновав это тем, что он «поставил себя в зависимость от хозяйственников получением через разных лиц одних и тех же предметов при их дефицитности», другими словами, пользовался блатом. При этом, на всякий случай, оговорились, что наказан он не только за подобное обогащение, а заодно и за грубость и бюрократизм.²⁵⁴

В широте и неопределенности формулировок «барахольства» для сваговцев таилась потенциальная опасность. Грань между незаконным, неразрешенным (согласно приказу) или просто предосудительным по моральным советским нормам была чересчур зыбкой. То ли ты получил второй «незаконный» ковер, то ли попытался вывезти всю Германию. Никто не был застрахован от обвинений. Ни рядовой сотрудник, вынужденный оправдываться и просить справку, что «двух комплектов шкурки на пальто он не получил», и считает заявление о том, что он приехал в Германию, чтобы «подлататься», необоснованным²⁵⁵, ни военный комендант, купивший пианино и продавший его по той же цене, уступив просьбам коллеги, и тотчас вызванный на беседу к партийному следователю, изучавшему поступивший донос.²⁵⁶ Даже когда человек уже не служил в СВАГ и вернулся домой, его могло догнать письмо, отправленное недоброжелателем в газету «Правда», где говорилось, что он незаконно приобрел в Германии «легковую автомашину²⁵⁷, пианино, аккордеон, трюмо, ковры, диван, комод и ряд других вещей». Политуправлению СВАГ приходилось выяснять, вывез или не вывез, законно или нет.²⁵⁸ За склонность к «обогащению» вполне могли посчитать нежелание подписываться на заем на две зарплаты, а твое объяснение, что ты хочешь накопить «больше денег, так как должен ехать домой»,

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 119. Л. 42–51.

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 127. Л. 48.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 201.

²⁵⁷ Заметим попутно, что вывоз из Германии автомашин, приобретенных сотрудниками в личную собственность, был делом совершенно законным. Под это выделяли платформы, за транспортировку брали оплату и выдавали специальные разрешения на вывоз. (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 42. Л. 124–125).

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 36. Л. 324–325.

счесть за «боязнь трудностей послевоенных лет».²⁵⁹ Приходилось оправдываться, что ты всегда вел правильную советскую жизнь, имел благодарности, награжден орденами и медалями, во время войны потерял не только родных, но и все имущество, а «в Союзе ни обстановки, ни квартиры».²⁶⁰

Кое-кто пытался ловить рыбку в мутной воде очередной кампании борьбы с барахольством и устроить заодно свою личную карьеру. Действия одного из таких «истинных» борцов подробно описал начальник Управления СВА федеральной земли Тюрингия Иван Сергеевич Колесниченко.²⁶¹ В августе 1946 года к нему явился некто Д., парторг одного из отделов Штаба СВАГ, для выполнения «особого задания». По его словам, «проверить (естественно без шума) не «барахлят» ли сотрудники... и если таковые найдутся, то призвать их к порядку». Через месяц к Колесниченко неожиданно обратился прокурор Управления СВА. Он счел «своим партийным долгом» «откровенно заявить об атмосфере лицемерия и интриг, которые плетутся у нас т[оварищем] Д., который на-верное хочет сделать какую-то сенсацию, создать громкое дело, а в Берлине ему кое-кто верит». В комендатурах товарищ Д., как доложил прокурор, в основном «выискивал материалы» на самое высокое начальство, ставя вопрос ребром: «Что вы мне о мелочах рассказываете, меня они не интересуют. Вы скажите, приезжал ли генерал Колесниченко, генерал Карпелюк²⁶² [...], что и сколько брали, есть ли их записки на выдачу товаров, дайте их мне». Запугивая работников комендатур и УСВА, Д. хвастался, что «он 16 лет работал в ЧК — ОГПУ, что он парторг ЦК ВКП (б) в СВАГ», что он даже генерал...». Колесниченко пожаловался заместителю Главного начальствующего СВАГ И. Серову. Вызванный на ковер Д. все отрицал. Дело замяли. Показательно, что в 1946 году Колесниченко не стал жаловаться в ЦК, как ему советовали коллеги, объяснив это тем, что Д. «получал соответствующий инструктаж и его должен был выполнять, поэтому не может

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 94. Л. 256.

²⁶⁰ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 119.

²⁶¹ См.: Докладная записка начальника УСВА земли Тюрингия И. С. Колесниченко Главному начальствующему СВАГ В. Д. Соколовскому от 20 сентября 1947 г. (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 19. Л. 255–259).

²⁶² А. И. Карпелюк — начальник Отдела комендантской службы УСВА федеральной земли Тюрингия.

полностью отвечать за свои глупости, которые он творил» (вероятно, намекал на то, что в это время в Москве было заведено дело на генералов ГСОВГ. — *Авт.*).

Колесниченко ясно дал понять маршалу Соколовскому, что же за человек этот Д. — «кляузник, клеветник и нечестный коммунист». Он охарактеризовал «разоблачителя», сославшись на слова одного из работников прокуратуры, который назвал Д. «героем 1937 года». Иван Сазонович считал, что «в излишествах» его «никто не подозревал еще и не сможет заподозрить», он ведет «скромную жизнь не из-за ограниченных своих потребностей (хотя и это имеет место), но ради своих детей», которых не хочет «приучать к барству». И счел нужным добавить, что он «все время со своей семьей питается в столовой офицерского состава и обходится без домработниц», а «работа — главное», и его личная жизнь — «на виду у всех».²⁶³

После закрытого письма ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина» (16 июля 1947 г.)²⁶⁴ проблема барахольства в СВАГ была целенаправленно обострена.²⁶⁵ Однако грань между «правильным» потребительским поведением и потреблением осуждаемым оставалась зыбкой и не проясненной, открывая обширное пространство для произвольных толкований и обвинений. Осенью 1947 г. коммунист В. Дмитриев²⁶⁶ обратился в редакцию газеты «Советское слово».²⁶⁷ В письме он рассказал, что на партийном собрании призвал товарищей по партии «ревностно оберегать честь и достоинство советского гражданина» и в назидание припомнил «прошлые примеры»: подполковник Б., «в недалеком прошлом [...] идейный руководитель и наставник [...] повез с собой тонну барахла, да и всё купе один занял своими чемоданами. И вот он очень удивился, когда увидел, что один наш товарищ едет в отпуск почти совсем пустой. Он заявил: «Разве вы

²⁶³ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 19. Л. 257.

²⁶⁴ Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М., 2005. С. 123–127.

²⁶⁵ Козлов В. А., Козлова М. Е. Поздний сталинизм как идеологическая практика. С. 380–381.

²⁶⁶ Секретарь бюро низовой парторганизации Отдела узла связи УСВА федеральной земли Тюрингия.

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 72–81.

из США?! Не может быть! Как это так: работать в США и в отпуск ехать пустому?!» Под огонь критики попал и полковник В., который, по словам Дмитриева, с пеной у рта призывал: «Упаси боже, не ходите в немецкие кино и театры, а то разлагающаяся буржуазная культура плохо повлияет на вас». Когда же сам уезжал, набрал барахла целый вагон. У него было упаковок больше 20 ящиков, в том числе и рояль, и пианино».²⁶⁸

Дмитриев убеждал товарищей по партии, что борьбу с барахольством и «барахольскими настроениями» нужно вести всем. Но начальство его почему-то не поддержало. В письме Дмитриев пожаловался, что после его выступления начальник политотдела «в течение получаса распространялся о правах начальства, о социалистическом принципе распределения, о том, что можно в советских магазинах покупать все, что угодно [...], о повышении материального благосостояния трудящихся», а в конце заявил, что «каждый, по возможности, может здесь как можно больше приобретать вещей». И даже нашел подходящее оправдание: тогда «там, в СССР, наши люди уже не будут нуждаться в этих вещах», остальным достанется больше (?). Дмитриев сделал вывод: «большинство коммунистов так и поняло выступление начальника политотдела: барахолить можно!».²⁶⁹ Партработнику пришлось оправдываться и объяснять, что Дмитриев даже законную покупку в советских магазинах объявил барахольством, потому ему и разъяснили, что «считать барахольством и что нельзя [считать]».²⁷⁰ Но объяснение вышло невнятным. Полковник явно запутался в собственных силлогизмах.

Столкнулись два взгляда на ситуацию: теоретический, идеологически правильный (как должно было быть по советским меркам) и практический (как действовать в новых условиях и как определить границы дозволенного). Разрешить дилемму между допустимым и недопустимым начальству так и не удалось. Безоговорочно признать, что погоня за вещами — антисоветское зло, как требовали нормы советской морали, и, следовательно, начать по-настоящему бороться с ним, значило лишить не только всех сваговцев, но и себя возможности «поддататься». Оставить все как есть —

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 31. Л. 755–76.

²⁶⁹ Там же. Л. 78–79.

²⁷⁰ Там же. Л. 72.

вызвать нарекания Главпура и тех, кто повыше. Поэтому боролись точно, стараясь держать процесс критики и разоблачений в разумных пределах. На партактиве СВАГ секретарь партийной комиссии полковник Романов, рассказывая, что руководство «Союзэкспортфильм» в Германии совершенно «бесцеремонно относилось к советским деньгам, распоряжалось ими как своими личными и только на свои квартиры эти 15 человек израсходовали около 300 тыс. марок; покупали сервизы, ковры...», в сердцах воскликнул: «Леший с ними, пусть обставляют свои квартиры, но почему за государственные деньги?»²⁷¹ То есть «барахолить», но за свой счет, все-таки считалось допустимым. А вот за государственный — лучше поостеречься.

Водораздел в вопросе о барахолстве проходил не только между индивидуалистами и «буквалистами», т. е. радикальными приверженцами коллективного социалистического сознания, которых, судя по всему, было не так уж много. Водораздел проходил и через семьи. Мужья стали обвинять жен в том, что они заразились «приобретением барахла»²⁷², а те, в свою очередь, жаловались на мужей: «... Чего я только ни испытала за 4 года войны, живя с ребятами в самых трудных условиях нужды: недоедания, полуодетые, но была жизнь радостнее успехами борьбы нашего народа за правду! ... Живя здесь 2,5 года нет ни одного дня, чтоб я прожила их спокойно... Его точка зрения, лучше отдать последнее, чем приобрести необходимое, возможное из домашнего семейного обихода, чтобы не нуждаться и прилично одеться. Поэтому за каждую купленную вещь я получаю скандал, оскорбления как человек с буржуазными наклонностями к собственности, и никакие убеждения, что у меня семья, что есть законные возможности покупать, его не интересуют... Когда едут люди отсюда домой, то, как правило, везут с собой 1–2 т[онны], а то и больше груза. Я же, собираясь домой, прошу мужа заказать полдюжины стульев, и то он слышать не хочет, уж не говоря о том, чтобы он принес в дом хотя бы какую-либо безделушку (считаю это его беспечностью)».²⁷³

Сталкивались этика приспособления — умение выжить и получить положенное — и этика утопической, но честной, искрен-

²⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

²⁷² ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 173. Л. 25.

²⁷³ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 17. Л. 190–191.

ней веры в коммунизм, с ее преобладанием общественного над личным. В повседневной жизни (не на собраниях) первая чаще побеждала. Каждый разрабатывал свою стратегию существования — речь шла о допустимом или недопустимом (опасном или безопасном!) уровне использования легальных и нелегальных — серых или черных — каналов потребления. Умение жить, умение организовать для себя и своей семьи самоснабжение способами законными и не очень — для некоторых продвинутых потребителей уже становилось мерилом успеха. Индивидуализм — повседневный, противоречащий социалистическим нормам — ярчайшим образом проявлялся в сфере снабжения, распределения и потребления, когда от высоких материй и высокопарных слов переходили к чему-то реальному — еде, одежде, жилью. И престижу. Советский потребительский идеал, спустившись на землю, начинал жить своей жизнью, совсем по другим регламентам, которые плохо поддавались контролю и исправлению.

Немецкая вещевая «экспансия»

В период оккупации Германии «сталинский человек» был впервые перенесен в условия западной, по-иному организованной, хотя и деформированной войной и оккупацией жизни, во многом противоположной обычной советской рутине. Если в 1930-е годы в советском городе лидерами потребления были номенклатурная элита и советская «рабочая аристократия» (ударники и стахановцы), то Германия несколько раздвинула эти рамки. Во второй половине 1940-х годов среди лидеров потребления оказались не только начальники, их жены, золотая послевоенная молодежь или избранные представители интеллигенции, но и другие, менее обеспеченные и более многочисленные, группы, в том числе (и до известной степени) и рядовые сваговцы. Именно они (вместе с офицерским составом Группы советских оккупационных войск в Германии) попали на передовую начинавшейся (едва начавшейся?!) в те годы «массовизации» престижного потребления.

Каналы трансляции и «экспорта» предметов потребления в СССР, а вместе с ними и потребительских практик, были раз-

нообразными и представительными. М. И. Семиряга, ссылаясь на известного «трофейщика» генерал-лейтенанта Ф. И. Вахитова, приводит в своей книге сведения о потоке потребительских трофейных товаров, поступивших в СССР после войны. Историк, в частности, сообщает: «Лишь из одной Германии трофейные войска... отправили на родину 60 149 роялей, пианино, фисгармоний, 458 612 радиоприемников, 188 071 ковер, 941 605 предметов мебели, 264 441 настенных и настольных часов, 588 вагонов посуды, преимущественно фарфоровой. Было также отправлено 3 338 348 пар гражданской обуви, 1 203 169 пальто, 2 546 919 платьев, 4 618 631 штука белья, 1 052 503 головных убора, 154 вагона мехов, тканей и шерсти, а также 24 вагона музыкальных инструментов».²⁷⁴ Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть приведенные цифры, поскольку в книге М. И. Семиряги отсутствует ссылка на источник. Данные о трофейном вещевом потоке подхватили журналисты и блогеры, что, как часто бывает, придало приведенным выше цифрам некую информационную легитимность, но отнюдь не подтвердило их достоверность. Тем не менее совсем игнорировать сведения М. И. Семиряги мы сочли неправильным. В любом случае, если нельзя пока проверить точность цифр, номенклатура вывезенных товаров совпадает с той, что поступала в СССР по другим известным нам каналам, как государственным, так и частным.

Государство с самого начала попыталось монополизировать трофейный вещевой поток и ввести его в русло централизованного снабжения. Решением ГКО № 90 360 от 9 июня 1945 г. был категорически запрещен вывоз трофейного — бытового имущества без разрешения Военного Совета ГСОВГ, «исключая установленные посылки», о которых речь пойдет ниже. Это решение было объявлено постановлением ВС ГСОВГ от 13 июня 1945 г. № 0101. Однако уже 31 августа 1945 г. понадобился специальный приказ Главнокомандующего Группы № 095 «О незаконном расходовании трофейного имущества». В качестве вопиющего примера подобных действий в приказе был упомянут Ветеринарный отдел ГСОВГ, который самочинно занялся сбором трофейного имущества (автомашин, мануфактуры, продовольствия). В этот «промысел» был втянут офицерский и рядовой состав. Собранное имуще-

²⁷⁴ Семиряга М. И. Указ. соч.: <https://rbook.me/book/21889161>.

ство скрытно в эшелонах с лошадьми (фактически, контрабандой) переправляла в СССР. Несмотря на угрожающие интонации приказа, Жуков ограничился выговором начальнику Ветеринарного отдела, исполнители получили строгий выговор.²⁷⁵

Е. Д. Твердюкова ввела в научный оборот докладную записку Генерального прокурора СССР К. П. Горшенина В. М. Молотову и Г. М. Маленкову о расследовании прокуратурой фактов незаконного приобретения ширпотреба и предметов роскоши работниками некоторых наркоматов, находившихся в служебных командировках, по демонтажу оборудования на предприятиях оккупированной части Германии. «В процессе следствия, — сообщает исследователь, — по далеко не полным данным, было изъято: 69 пианино, 21 мотоцикл, 12 легковых машин, 48 велосипедов, 45 пишущих машин, 122 радиоприемника, 441 простынь, 87 ковров, 27 картин, 54 одеяла, 72 метра мануфактуры, 138 дамских платьев, 319 единиц разного белья, 18 швейных машинок. Только у работников Наркомата цветных металлов, согласно оценке Мосгорфинуправления, изъятое трофейное имущество было оценено суммой в 620 тыс. руб. по твердым ценам».²⁷⁶ Вообще факты злоупотребления трофейным имуществом в СССР были, по оценке Твердюковой, многочисленны. Но более важен вывод автора о сложившейся во время и после войны номенклатурной системе, в рамках которой «создавалась собственная шкала ценностей, использование доступных материальных ресурсов было распространено повсеместно и считалось абсолютно нормальным».²⁷⁷ О престижно-номенклатурном «освоении» трофейного имущества, как законном, так и не очень, пишет, основываясь на материалах Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б), и Т. Н. Никонорова.²⁷⁸

Первый «частный» и совершенно легальный массовый потребительский поток из Германии пересек границы СССР вместе с демобилизованными военнослужащими. Это были так называемые трофейные подарки, о которых в мае 1945 года распорядил-

²⁷⁵ См.: Приказ Главнокомандующего ГСОВГ № 095 от 31 августа 1945 г. «О незаконном расходовании трофейного имущества» (ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 65. Л. 332–332 об).

²⁷⁶ Твердюкова Е. Д. Указ. соч. С. 263.

²⁷⁷ Там же. С. 264.

²⁷⁸ Никонорова Т. Н. Указ. соч. С. 242–243.

ся лично Сталин. «Каждому увольняемому бойцу продать по дешевой цене трофейные товары и дать жалование за столько лет, сколько он прослужил в армии, — говорил Верховный главнокомандующий 22 мая 1945 г. на совещании по вопросам демобилизации Красной Армии. — При демобилизации не отпускать бойцов и офицеров с пустыми руками — раздавать радиоприемники, велосипеды и другие вещи и, кроме того, организовать через хозяйственный аппарат полка продажу различных товаров».²⁷⁹ Говорить о конкретных цифрах в данном случае вряд ли возможно. Как и неуместно оправдываться, что трофейных подарков и вещей было «не так уж много».²⁸⁰ Советские военнослужащие считали, что они имеют полное право на свою долю военных трофеев. Каждый из них мог предъявить побежденной Германии свой личный счет, в том числе (и совсем не в первую очередь) счет материальный. Так к этому относились и Сталин, и Жуков, и рядовой боец, и (в то время) союзники по антигитлеровской коалиции.

В СВАГ старались не только обеспечить через комендатуры «своих» отъезжающих вещевыми подарками, но и помогали демобилизованным из Группы войск. В октябре 1945 года в федеральной земле Тюрингия, меньше пострадавшей от войны, подарки для демобилизованных «были организованы во всех комендатурах», вручали их «в торжественной форме». В числе подарков были мануфактура, белье, отрезы сукна, джемперы, обувь, ружья, радиоприемники... «Уехали демобилизованные из Тюрингии в новом обмундировании и шинелях, в опрятной обуви, обеспеченные всем необходимым — документами, продовольствием, подарками для семьи». Все это интерпретировалось политработниками как «сталинская забота о воинах Красной Армии».²⁸¹ Понятно, что такая ситуация была не везде. В сильно разрушенных войной районах Советской зоны оккупации, например в провинции Саксония, собирать подарочный фонд было не просто. В военной комендатуре г. Галле каждому бойцу удалось выдать только по одной паре брюк или 3 метра мануфактуры»,

²⁷⁹ Вестник Архива Президента Российской Федерации. Война 1941–1945. Выпуск 2 / Главный редактор С. В. Кудряшов. М., 2015. С. 568, 569.

²⁸⁰ Сенявская Е. «Это наши законные трофеи...». Система организации посылок из действующей Красной Армии в 1945 г. по рассекреченным архивным документам: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=240200>.

²⁸¹ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 48. Л. 103–105.

а полученные 10 наручных часов подарили только «отличившимся».²⁸² В 38-м полку связи в подарочный фонд собрали что могли: «750 метров мануфактуры, дамское трико, фототовары».²⁸³ Из некоторых комендатур поступали сообщения: «демобилизованных обеспечивать нечем», «подарочного фонда нет».²⁸⁴ Тогда приходилось выдавать только новое обмундирование и продуктовую посылку — сахар, муку, масло.²⁸⁵

Во время третьей очереди демобилизации (май — сентябрь 1946 г.) процесс выделения подарков приобрел более упорядоченный вид. В приказании № 00590 от 30 марта 1946 г. начальник УСВА федеральной земли Тюрингия, например, категорически запрещал отдельным военнослужащим «приобретение всяких товаров в местных торговых организациях и на фабриках» и требовал разъяснить командирам частей, что «снабжение товарами демобилизуемых будет производиться централизованно в запасном полку». Военные коменданты должны были проверить «наличие у немецких фирм товаров широкого потребления» и сообщить данные о количестве и номенклатуре товаров отделу торговли и снабжения УСВА. Эти товары следовало передать «в торговую сеть Армии» для снабжения «демобилизуемых рядовых и сержантов».²⁸⁶

Другой легальный вещевой поток отправлялся в СССР в разрешенных посылках. В 1944 году, когда военные действия были перенесены за пределы Советского Союза, в качестве поощрения за хорошее несение службы всему личному составу (от солдат до генералов) было разрешено отправлять на Родину посылки, правда с оговоркой: «не более одного раза в месяц».²⁸⁷ После

²⁸² ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 41. Л. 167.

²⁸³ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 124 в. Л. 15.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 75. Л. 169; Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. Р-7103. Оп. 1. Д. 45. Л. 17.

²⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 10. Л. 203.

²⁸⁷ Приказом НКО № 0449 от 26 декабря 1944 г. вес посылки был установлен для рядового и сержантского состава — до 5 кг, офицерского состава — до 10 кг, генералов — до 16 кг. Максимальный размер посылки не должен был превышать 70 см в каждом из трех измерений. Посылки от солдат и сержантов принимались бесплатно, от офицерского состава и генералов за плату по 2 рубля за кг. Запрещалось отправлять в посылках: оружие, предметы военного снаряжения и обмундирования Красной Армии, воспламеняющиеся взрывчатые вещества, ядовитые вещества, медикаменты, всякого рода жидкости, скоропортящиеся продукты, письменные вложения, деньги в различной валюте, литературу и другой печатный материал на иностранном и русском языках.

формирования ГСОВГ и СВАГ это право было распространено на их личный состав. Посылочная привилегия была закреплена и за гражданскими работниками.²⁸⁸

Речь в данном случае идет о сотнях тысяч человек. В Германии до осени 1946 года Группа советских оккупационных войск насчитывала 456 тысяч военнослужащих.²⁸⁹ Более 50 тысяч офицеров, сержантов, рядовых и вольнонаемных сотрудников служили и работали в СВАГ.²⁹⁰ Затем численность войск, да и численность СВАГ, была сокращена, но шла постоянная ротация личного состава, умножавшая число носителей «нового потребления». Все они сохраняли тесные связи с Родиной и семьями, все хотели помочь своим родным и близким потребительски «восстановиться» и пережить послевоенные трудности. Именно через этих людей в течение нескольких послевоенных лет перетекали в СССР не только предметы потребления, но и новые потребительские привычки.

Посылки в СВАГ отправлялись через военно-почтовые станции. Для этого выдавали специальные «разрешительные» справки, подписанные начальниками управлений и отделов, в них также ставилась отметка о проверке вложения. 22 марта 1946 г. начальник военно-почтовой станции № 3936 капитан Валунский сигнализировал в Политотдел СВАГ: существующий порядок отправки посылок нарушает элементарные правила пересылки из-за границы, проверкой вложений никто не занимается».²⁹¹ Ознакомившись с докладной запиской капитана, Штаб СВАГ совместно с Политотделом 25 марта 1946 г. издал специальную директиву²⁹²:

Запрещалось также использовать исписанную бумагу в качестве упаковочного материала. См.: Приказ об организации приема и доставки посылок от красноармейцев, сержантов, офицеров и генералов действующих фронтов в тыл страны» // Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13. (2–3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. М., 1997: http://militera.lib.ru/docs/da/nko_1943-1945/13.html.

²⁸⁸ См.: Приказ Главного начальствующего СВАГ / Главного командующего ГСОВГ № 90 от 16/18 марта 1946 г. «О разрешении приема посылок от вольнонаемного состава СВАГ» (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 8. Д. 4. Л. 239).

²⁸⁹ 22 октября 1946 г. Группу сократили до 200 000 человек. См.: ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. Зас. Д. 36. Л. 17.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 48. Д. 1а. Л. 23. Данные на 1 января 1946 г.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

²⁹² ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 30. Д. 12. Л. 126; Оп. 40. Д. 111. Л. 23.

срочно наладить строжайший учет, выделить ответственных лиц для проверки вложений²⁹³, а образцы их подписей представить на военно-полевые станции. Видимо, полагали, что подписи могут подделывать.

В 1947 году руководство попыталось ввести новые строгости. Был установлен ежемесячный лимит на выдачу разрешений. Их могли получить не более 25% от численности рядовых, сержантов и старшин, 30% — от численности вольнонаемного состава, 50% — от численности офицерского состава. Справки-разрешения приравнивали к документам строгой отчетности. Запретили отправлять посылки индивидуально. Теперь их нужно было сначала сдавать в административно-хозяйственную часть (отдел материально-технического обеспечения). Ответственные сотрудники должны были докладывать «о найденных запрещенных и незаконно приобретенных вещах, обнаруженных в посылках».²⁹⁴ Каждый раз, издавая приказ, командование подчеркивало, что разрешение на посылку нужно заслужить хорошей работой, посылки — привилегия лучших работников! Сваговцы явно не разделяли подобную точку зрения.

Эскалация контроля приводила к новым ответам снизу. В конце концов, рядовые сваговцы справедливо полагали, что у них есть полное право отправить родным и близким честно купленные, обмененные или полученные в виде премии товары. Невозможно установить точное количество таких нарушений — «посылочная» активность зависела от способности к добыванию нужных вещей, связей и возможностей сотрудников²⁹⁵, сплоченности кол-

²⁹³ Доставка и отправка посылок должна была проходить только в присутствии этих ответственных лиц.

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 24. Д. 14. Л. 15–16; Ф. Р-7133. Оп. 2. Д. 11. Л. 38–39; Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 22. Л. 6–7.

²⁹⁵ Были и такие, кто занялся спекуляцией: «В предыдущем письме я писал, что тебе следует сообщить, в какую цену там пара чулок. Говорят, что пара стоит 100 рублей. Если это так, то я буду пересылать вам чулки, а вы их там продавайте» (ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 53. Л. 69); «Я несколько посылок послал тебе и вышлю еще. Содержимое посылки не задерживай, постарайся реализовать и как можно скорее. Мою долю денег не вышлай мне, а положи в сберкассу. Информируй меня, как идет реализация и в какой цене. Если у тебя с этим делом будет идти хорошо, то я буду принимать все меры к тому, чтобы отправлять тебе посылки систематически. Понял?» (ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 13. Л. 430).

лектива, или, другими словами, от «круговой поруки». Да и проверки, выявлявшие нарушения, не велись постоянно, а лишь время от времени, скорее как реакция на очередной сигнал. Но даже эти выборочные проверки свидетельствовали о коллективном противодействии: никто не торопился сдавать образцы подписей ответственных лиц на военно-почтовые станции, справки-разрешения подписывали «неответственные лица», посылки продолжали отсылать «индивидуально», вложение порой не проверялось, даты не проставлялись. Часто справки выдавались по знакомству или нужным людям, их передавали друг другу, в списки на отправку посылок включали весь личный состав, даже тех, кто находился в это время в отпуске. Разрешения выдавались «по очередности» или по требованию тех, у кого в данный момент имелись в наличии вещи, а не по регламенту. Некоторым удавалось успешно превышать нормы и отправлять по 3–4 посылки ежемесячно.²⁹⁶

В докладной записке, подготовленной Группой контроля СВАГ в сентябре 1947 года, говорилось, что военно-почтовая станция, обслуживающая сотрудников СВАГ в Карлсхорсте, не справляется с работой: «Все привозили посылки с раннего утра, но некоторым приходилось простаивать в ожидании до 7 часов вечера». В среднем за один рабочий день через станцию в Карлсхорсте уходило в СССР около 170 посылок.²⁹⁷ Посылали отрезки, чулки, носки, лисьи воротники, туфли, дамские костюмы, платье, белье...²⁹⁸ И, конечно, запрещенное: кожу, деньги, военное обмундирование, лекарства... Кое-что удавалось отловить на военно-полевых станциях. Иногда о пересылке запрещенных предметов становилось известно из перлюстрации писем сотрудников. «Дорогая жена, посылаю тебе посылку: сапоги и летнее обмундирование», «послал вам посылку — брюки и гимнастерку», «послал посылку с лекарствами», «в посылке должно быть одеяло, кожанка, в одном кармане 155 рублей», «выслал вам посылку. Она состоит из следующих вещей: тетради, конверты, два куса кожи, кусок материала, 350 рублей денег», «послал в посылке две пары белья,

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-7184. Оп. 1. Д. 8. Л. 73; Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 37. Л. 312; Оп. 2. Д. 4. Л. 143–147. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 26. Л. 60–61; Д. 27. Л. 40–41, Л. 86–89; Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 14. Л. 4–5; Ф. Р-7317. Оп. 36. Д. 38. Л. 42–43; Оп. 7. Д. 54. Л. 148–149.

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 106. Л. 77.

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 287. Л. 232.

свител (так в документе. — *Авт.*), 250 рублей денег, килограмм сахару», «выслал я еще одну посылку с продуктами и медикаментами», «послала посылку с лекарством, получила ли ты ее?», «Ваня, отправил посылку на имя мамы, зайти и возьми в этой посылке кожу (простую) на сапоги, военный костюм для Евгения и что еще тебе надо».²⁹⁹

Сваговцы ассоциировали «посылки» в первую очередь со своей чрезвычайно важной личной миссией: каждый, отправивший посылку в СССР, превращался в добытчика для родных и близких и в какой-то степени — в благодетеля для своей семьи. О положении в СССР работающие в Германии советские граждане были неплохо осведомлены, получая письма с Родины: «Дорогой братец, мама лежит с опухшими ногами — с голода, папа тоже ослаб, видно заболевает. Я бросил школу, дальше учиться не могу. Пришли нам продовольственную карточку, а возможно можешь (так в документе. — *Авт.*) — денег или посылочку».³⁰⁰ Иногда выполнить просьбы было совсем непросто: «Многие у нас в России не знают, что такое Германия. [Не] которые считают — Германия золотое дно и пишут в своих письмах: купите то-то, вышли то-то. Немцев [мы] избаловали до того, что они сами предлагают офицеру часы, костюм и т. д. за такую цену, что в 10 раз дороже, чем у нас в России».³⁰¹

Руководство СВАГ пыталось вставить концепт «посылки» в официальный фрейм, в формальную систему отношений «приказ — исполнение». Оно полагало, что распоряжение о посылках, идущее сверху, однозначно трактуется всеми подчиненными и должно ими выполняться. Дискомфорт, возникающий у исполнителя, при обнародовании подобных приказов, породил дилемму: исполнять или игнорировать. Но так как в системе ценностей советского человека неисполнение приказа в данном конкретном случае было благом для него и его семьи, чревато лишь незначительными неудобствами и не предполагало пристального внимания начальства, он шел на нарушения.

Разбираясь в запутанной посылочной истории, мы обратили внимание на двусмысленность положения начальства. Начальник

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 30. Л. 178–181.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. Р-7077. Оп. 1. Д. 50. Л. 182.

³⁰¹ ГА РФ. Ф. Р-5704. Оп. 1. Д. 59. Л. 15.

Отдела связи УСВА Саксония-Ангальт подполковник М. М. Тертышный, проверяя выдачу справок-разрешений на отправку посылок, пришел к выводу, что главными виновниками нарушений «являются начальники отделов УСВА, военные коменданты и начальники учреждений».³⁰² Любой руководитель (тем более, среднего и низшего звена) был еще и обычным советским человеком. Как и все, он был озабочен теми же проблемами, решал те же бытовые задачи и полностью разделял мнение своих подчиненных, что нельзя пренебрегать представившейся возможностью. Мнимый когнитивный диссонанс в понимании концепта «посылки» у подобных руководителей и сотрудников СВАГ был преодолен в то время, когда СВАГ завершал свое существование и на первый план выдвинулась задача собираться на Родину. Борьба «официального» и «здорового смысла» завершилась в пользу последнего. Даже политорганы были больше обеспокоены тем, как обеспечить равномерное распределение «посылочных» благ и не вызвать недовольство.³⁰³

Вещи шли в Советский Союз не только в посылках, но и в багаже военнослужащих оккупационных войск и сотрудников Советской военной администрации. Последние могли взять с собой (на один билет) 50 кг багажа, как это было установлено Министерством путей сообщения СССР. Кроме того, начальник Железнодорожного отдела Транспортного управления СВАГ выдавал разрешения на дополнительный багаж, но его вес не должен был превышать 100 кг на взрослого человека.³⁰⁴ Сваговцы могли отправлять в СССР и домашнее имущество (мебель, пианино, стулья, столы и прочее). Для этого только нужно было иметь оправ-

³⁰² ГА РФ. Ф. Р-7133. Оп. 1. Д. 27. Л. 86.

³⁰³ В апреле 1949 г. начальник Политотдела УСВА земли Саксония-Ангальт докладывал начальнику Политического управления СВАГ А. Г. Руссову, что «беспокойные офицеры и гражданские сотрудники «поднимают вопрос о предоставлении возможности посылать больше посылок для семей, находящихся в СССР». Руссов взял предложение на заметку, решив включить этот вопрос в справку Политуправления СВАГ (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 10. Д. 51. Л. 427).

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 39. Д. 98. Л. 178. В мае 1949 г., когда дети сваговцев уезжали из Германии, «офицерам и вольнонаемным сотрудникам СВАГ, сопровождающим их и увозивших домашние вещи, было разрешено на каждый билет принимать по 75 кг, а сверх нормы по разрешению Транспортного управления СВАГ — по 150 кг на семью, на груз малой скорости — до 3 т на семью. См.: ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 34. Л. 241.

дательные документы: счета от КЭО воинских частей, немецких комиссионных магазинов или частных лиц, заверенные бургомистром и комендантом города.³⁰⁵

Как это часто бывает с подобными приказами и установленными в них нормами, за свое законное право каждому уезжающему предстояло побороться. Группа контроля СВАГ в октябре 1948 года проверила, как обслуживают офицеров, отправлявшихся в Советский Союз с Силезского вокзала. Как сообщал начальник группы Н. А. Панов, поезд подавался на вокзал для посадки, как правило, за 30 минут. Посадка сопровождается суতোлкой, давкой, криком и шумом. Особенно плохо обстояло дело с приемом багажа «большой скорости». Здесь, по словам Панова, существовал явный произвол. При приемке багаж проверяли на габарит, вес и тряску. Пассажира-офицера заставляли переупаковывать вещи «при малейшем несоблюдении выдуманного «габарита» (120 × 80 см), веса 75 кг³⁰⁶ и еле слышимой тряске в багаже». Но «самым неприглядным в этой истории», считал Панов, было то, что помещение, где принимали от советских граждан багаж «большой скорости», находилось рядом с немецкой багажной кассой, и вся процедура переупаковывания происходила «на глазах у немцев и на смех им». Оформление багажа требовало много времени — «минимум 3–5 часов». Все это не только вызывало недовольство отъезжающих, но даже, нагнетал обстановку руководитель Группы контроля, создавало «все условия для провокационной и шпионской деятельности врагов». Подъезды к вокзалу со всех сторон были огорожены. Автомшины с веща-

³⁰⁵ См.: Приказ № 68 от 8 апреля 1947 г. начальника Транспортного управления СВАГ и начальника Военных Сообщений ГСОВГ «О порядке приема и отправки со станции Берлин-Силезский в СССР багажа, домашних вещей и имущества малой скоростью, назначением СССР». (ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 39. Д. 39. Л. 108–110).

³⁰⁶ В марте 1948 г. начальник Транспортного управления СВАГ разрешил начальнику Силезского вокзала «производить прием» багажа свыше нормы. В приказе была назван и дополнительный вес — 25 кг. См.: ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 39. Д. 98. Л. 50. В конце мая 1949 г., когда дети сваговцев школьного возраста уезжали из Германии, сопровождавшие их и возвращавшиеся обратно офицеры и вольнонаемные сотрудники могли провозить «по 75 кг на каждый билет». Дополнительно, «сверх нормы по билету» можно было провезти «по 150 кг на семью, груз малой скорости — до трех тонн на семью». См.: Директива Транспортного управления СВАГ № 22/0616 от 28 мая 1949 г. (ГА РФ. Ф. Р-7212. Оп. 1. Д. 34. Л. 241–243).

ми к камере хранения не пропускали. Сотни отъезжающих на своем горбу таскали багаж на оформление. Панов попытался выяснить у начальника вокзала и военного коменданта станции, к чему эти ограждения. Оказалось, лишь для того, «чтобы устранить шум сигналов автомашин» и «дать спокойствие» семьям сотрудников, проживающим в служебных помещениях вокзала.³⁰⁷

Нельзя забывать, что товары широкого потребления шли в СССР в виде репараций. В общем объеме репараций это была, бесспорно, совсем незначительная часть, но и она внесла свой вклад в вещевой поток из Германии в СССР. Номенклатура товарных поставок в счет репараций из текущего производства включала: велосипеды, автомашины, искусственный шелк, трикотаж, чулки, мебель, бутылки для шампанского, эмалированную посуду, радиоприемники и даже... «фетровые головные уборы». Их в 1947 году отправили в СССР около 300 тысяч штук, выполнив план на 120,6%. В 1948 году предполагалось отправить еще 200 тысяч штук.³⁰⁸

Уезжая в отпуск, демобилизуясь или отправляясь на другое место службы, как офицерский состав, так и вольнонаемные увозили не только домашнее имущество и вещи, но и потребительские привычки. Так вместе с вещами в СССР «перетекали» и новые стандарты потребления. «Когда в город после окончания войны стали возвращаться демобилизованные, появилась масса трофейных вещей. — Вспоминал актер А. Ю. Равикович. — Из Германии, Венгрии, Польши везли аккордеоны, патефоны, одежду, мотоциклы, порнографические открытки, велосипеды. Старшие офицеры привозили даже пианино и автомобили».³⁰⁹

По свидетельству М. Ю. Германа, «дорогих трофейных (немецких, главным образом) приемников было множество — привезенных, купленных, выменянных. В полированных деревянных, эбонитовых или пластмассовых футлярах, монументально-значительные, торжественные и грозные, как сам тысячелетний рейх, они украшали «приличные» квартиры, наполняли их гулками голосами достатка...». В массовое сознание, считает Герман, «вхо-

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 7. Д. 111. Л. 264–268.

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. Р-7317. Оп. 35. Д. 24. Л. 63–65; Оп. 7. Д. 76. Л. 42–43.

³⁰⁹ Равикович А. Ю. Негероический герой: [воспоминания]. СПб.; М., 2008: <https://e-libra.ru/books/150948-negeroicheskiy-geroy.html>.

дило тем временем нечто новое, своего рода невнятная «квазиэропеизация». Речь — о феномене, даже, если угодно, своего рода «субкультуре» репараций (так назывались поставки из Германии разного рода ценностей — от станков до ширпотреба — в счет нанесенного Советскому Союзу во время войны ущерба). В страну хлынул сумасшедший, избыточный поток предметов западной, в основном, естественно, немецкой цивилизации. Мебель, одежда, автомобили, мотоциклы, велосипеды, ковры, сервизы, хрусталь, бронза, люстры, радиолы и пластинки, паркеровские ручки и фарфоровые пастушки (от старого Мейсена и драгоценных датских фигурок до бургерского кича), бижутерия, фотоаппараты, часы, игрушки и тысячи других обольстительных мелочей. Они привозились, дарились, менялись, продавались, вкрадчиво заполняли витрины, украшали дома богатых и тревожили мечтания бедных, исподволь формируя новый общественный вкус».³¹⁰

А. Л. Усанова, изучавшая историю жилого интерьера, пришла к выводу, что «поток трофейных подарков, хлынувших в города в послевоенное время, явился важным компонентом в формировании эстетических предпочтений, особенно у провинциального населения».³¹¹ А начиналось все это в «маленьком СССР». После службы в Германии энтузиасты консьюмеризма рассыпались по всей стране. Это не решало, по крайней мере, для абсолютно большинства населения, послевоенных снабженческих проблем, но добавляло новые штрихи в разнородную картину обеспечения советского населения новыми предметами быта, одеждой и обувью. Шла своего рода «филиация» вещей, возможно, именно тогда были сделаны если не первые, то более уверенные шаги на пути превращения вещи в символ, а «сталинского человека» — в начинающего «вещиста». Подобные заимствования жизненных образцов плохо поддаются историческому описанию. Но история повседневного существования «обитателя СВАГ» представляется нам прецедентной практикой продвинутой группы советских

³¹⁰ Герман М. Ю. Воспоминания о XX веке. Книга первая. Давно прошедшее: Plus-que-parfait. СПб., 2018: <https://avidreaders.ru/book/vospominaniya-o-xx-veke-kniga-pervaya.html>.

³¹¹ Усанова А. Л. Пути формирования отечественного жилого интерьера первой половины XX века. Ситуативный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 27/2014. С. 114–115.

потребителей, которые способствовали созданию стиля жизни неканонического «позднего сталинизма».

Заключение

Изучая повседневную жизнь «маленького СССР», мы, в который уже раз, столкнулись с тем, что выработанные правила поведения, нормы, распоряжения властных инстанций и партийных боссов не являлись для советского человека неким абсолютом, обязательным к исполнению. Особенно если они (эти нормы и правила) противоречили тому, что в повседневной жизни представлялось насущным и необходимым. Приспособление к действительности характеризовалось, с одной стороны, принятием фигуры покорности и демонстративным одобрением советских обычаев, а с другой — постоянным поиском лазеек и ниш, куда можно было ускользнуть от контроля и надзора, чтобы заняться своими делами. Нарушения установленных регламентов были универсальным способом разрешения возникавших повседневных коллизий, своеобразным буфером, смягчавшим жесткость конструкций режима и, возможно, придающим ему тем самым дополнительную устойчивость. Впору говорить о парадоксальном способе существования советского человека — о культуре «самоисключения» из правил, которая оправдывала массовые случаи нарушения и обхода предписаний начальства под универсальным лозунгом «все так делают». Эти «самоисключения», с одной стороны, противостояли официальной исключительности (привилегиям и льготам), а с другой — дополняли ее. Подобной техникой в той или иной степени владели все — и простые, и «непростые» люди, гражданские и военные, партийные и беспартийные, и даже само государство.

В свою очередь, власть довольно бесцеремонно и произвольно, то сужала границы дозволенных исключений, то (крайне редко и время от времени) расширяла их. Отстаивая свое особое право «даровать» подобные привилегии, государство раздвигало (для себя и «своих») рамки навязанных социалистическим мировоззрением правил, особенно в сфере потребления. Увеличивая свои

потребительские «активы», начальство в то же время стремились заставить простого «сталинского человека» ограничить себя «для блага Родины». Но, как мы видели, с появлением некоторых «неподходящих» приказов в «маленьком СССР» тут же начинались поиски обхода навязанных ограничений. Можно не приходить на работу, когда приказано (необходимо отправить посылки, сходить к врачу, в магазине выбросили настоящий драп, а за ним очередь), можно отправиться в западные зоны за покупками, хотя это не разрешено, можно, несмотря на запрет, смотаться на «черный рынок» или посидеть в немецком ресторане (даже держать там специальный, «запрещенный», столик для русских офицеров), можно, если получится, отправить семье не одну посылку, а несколько ... Можно продолжать этот перечень без конца. Так, отступая от тех или иных правил, поступали все — от офицера, служившего в военной комендатуре, до начальства. Это закладывало основу для круговой поруки в постоянно функционирующей «культуре самоисключений». Тем более что сотрудник СВАГ, особенно образца 1945–1946 годов, жил в условиях, когда контролирующий глаз начальства не всегда замечал неприятные детали; правила поведения и запреты еще не были многократно повторены в грозных приказах, а наказания — не отредактированы применительно к новым реалиям. Для того чтобы запустить контрольные и репрессивные механизмы, требовалось время. В этот зазор между советским регламентом и послевоенной неопределенностью сваговец вторгался раз за разом, используя открывавшиеся возможности.

РУССКИЙ СБОРНИК

исследования по истории России

Редакторы-составители

О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский,
М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти

XXVII

Модест Колеров
Москва 2020

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)
Р89

Р89 Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Ф. А. Гайда, И. В. Дубровский, М. А. Колеров, Брюс Меннинг, А. Ю. Полунов, Пол Чейсти. Т. XXVII. М. : Модест Колеров, 2020. 568 с.

Электронные версии «Русского Сборника» доступны в интернете:
www.iarex.ru/books

ISBN 978-5-905040-50-4

УДК 94 (470)
ББК 63.3 (2)

ISBN 978-5-905040-50-4

© Авторы статей, 2020
© Модест Колеров, 2020